

ДРУГИЕ МИРЫ

Марина Александрова

СОЛЬ

СУДЬБА ПЕРВОРОДНОЙ

Annotation

Когда-то давно в семьях простых людей начали рождаться необычные дети. Их назвали первородными, истинными целителями, жрецами Двуликого бога. Дар их был уникален, редок и желанен.

Кто не мечтает спасти любимого человека? Многие готовы отдать самое дорогое, лишь бы вернуть здоровье. И немногие способны стерпеть отказ...

Ее зовут Соль. И она осталась одна против мира и дара, о котором никогда не просила. Когда-то она выбрала жизнь отшельника в самом сердце безжизненной пустыни Элио, превратившись из целителя в хранителя памяти о своих братьях. Но жизнь никогда не спрашивает, чего хочет тот, кого так щедро наградил сам Двуликий, потому и для Соль все еще только начинается...

Марина Александрова

Соль. Судьба первородной

© М. Александрова, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Посвящается моим дорогим и любимым дедушке и папе,
Шаронову Николаю Григорьевичу и Бажанову Николаю
Андреевичу.
Спасибо, что вы были в моей жизни.*

Песок. Куда ни посмотри, он будет везде. Бескрайнее песчаное море, в котором не боишься потеряться, ибо, сделав лишь шаг по бескрайней пустыне Элио, ты можешь считать, что уже потерян. Найден ты будешь лишь в день, когда великие духи Элио решат отпустить твое тело и душу. Поймешь ли ты, что песка больше нет в этот миг? Или пустыня отнимет последние крупички твоего разума, подменив его своими образами и видениями? Всякий ступивший на этот путь надеется, что удача будет на его стороне. Всякий идущий в поисках края пустыни верит, что он непременно есть. Но не каждому дано найти место, где обрывается песчаное море.

Фигура, с ног до головы укутанная в плотную темно-коричневую ткань, неспешно ступала по песчаной насыпи. Из-за палящего солнца казалось, что силуэт дрожит на фоне лазурного неба. Но человек шел уверенно и твердо, словно не в первый раз ступал по бескрайней глади Элио. Из-за одежды было сложно понять, кто этот странник с шестом в руке. Мужчина ли? Женщина?

Каждый знает: по Элио нельзя ходить в одиночестве. Только караваном, только с людьми, которые смогут подстраховать и не дадут заблудиться или сойти с ума. Но человек, бредущий сейчас по волнам из золотого песка, не знал об этом или в этом не нуждался. Так или иначе, поступь его была тверда, и в ней читалась уверенность в направлении. Его лицо было закрыто отрезом ткани, лишь глаза пристально изучали то, что вот-вот должно было всколыхнуть мнимое спокойствие песков.

«Не успею», – коротко подумал человек, подсознательно отмечая оставшееся время до того, как неукротимая буря всколыхнет окружающее пространство. Вздыбится золотая гладь миллионами крошечных песчинок, взметнутся они в едином порыве в воздух, и не устоит ничто живое на пути очнувшейся ото сна стихии. Бежать нет никакого смысла. Да и не убежишь от того, что лежит под ногами, готовясь очнуться ото сна.

Фигура неожиданно остановилась. Казалось, человек пристально всматривается куда-то вдаль. Некоторое время он стоял, словно размышляя о выборе пути. Но стоило ли терять время на размышления? Решение было принято еще в тот момент, когда странник увидел неестественно изогнутую фигуру на песке в нескольких десятках метров от себя. Как-то досадливо тряхнув головой, человек решительно ступил в сторону, где, раскинув руки широко в стороны, лежал мужчина.

Легко скользя по песчаной насыпи, странник быстро преодолел расстояние до тела, которое так не вовремя заметил.

«Лучше бы тебе умереть», – не к месту подумал он, опускаясь перед мужчиной на четвереньки. Стоило путешественнику осмотреть лежащего перед ним «человека», как он озабоченно нахмурился и что-то прошипел сквозь сжатые зубы. И это было неудивительно, ведь перед ним был настоящий аланит – представитель древнего народа нелюдей.

Странник решительно стянул тугую перчатку, обнажая необычайно хрупкую ладонь, больше похожую на девичью или подростковую, и быстро провел рукой над телом мужчины.

– Живой, – несколько разочарованно пробормотал путник. – И чего бы тебе не отдать свою душу на суд Литы хоть мгновением ранее?! – возмущенно пробормотал человек, резким движением скидывая свой мешок со спины и ставя рядом с умирающим. – Чего поперся в пустыню, если за себя не в состоянии постоять? Чтоб тебе пусто было! Чтоб тебе век одни

беды на голову сыпались! Как я вас ненавижу, гадов! Чтоб вас сплющило и раздавило! И что вы все болеете?! Лучше б сразу ручки сложили и прямым ходом по назначению! – продолжал шипеть странник, выуживая из сумки совсем простой на вид медальон перехода. – Одни растраты с вами! И мимо не пройдешь, и с собой тащить не больно надо! Что за жизнь? Что за жизнь?! И за что мне это только! – сокрушался человек, казалось бы, бестолково водя руками над телом аланита. Правда, бестолково это выглядело лишь для тех, кто смотрел на мир, не владея истинным зрением...

– Ничего, я буду не я, если задаром тебя с того света вытащу, – зло буркнул человек, ухватив пострадавшего за подбородок, который, как и все тело мужчины, был в густой, почти запекшейся крови. Наклонившись над, судя по количеству оружия и одежде, воином, он весьма повелительно шикнул, приложив к этому и необходимый энергетический импульс: – Открой глаза, балбес!

«Балбес» болезненно поморщился, но глаза все же открыл. Сперва глаза цвета ночи никак не могли сфокусироваться, но уже спустя пять секунд они внимательно смотрели на странника.

– К-кто т-ты... – тяжело выдохнул аланит на всеобщемперском наречии.

– А ты? – раздраженно скривился странник, а голос его вдруг стал неожиданно хриплым, старческим. – Ты мне одно скажи: тебя спасать надо или как? Жить хочешь? – почти не рассчитывая на отрицательный ответ, осведомился человек, так и не открыв лица.

Аланит тяжело сглотнул и, словно собрав все оставшиеся силы, резко кивнул, теряя сознание.

– Кивнул или судорога? – задумчиво пробормотал человек, прекрасно понимая, что тот кивнул; после чего он тяжело вздохнул и активировал амулет перехода.

Эрдан Иль Таррэн приходил в себя с трудом. Все тело болело. Ощущения были не из приятных. И не удивительно, учитывая то, какие раны ему нанесли при последнем покушении. Потом принудительная телепортация и выброс в самой что ни на есть пустыне. Он должен был умереть. Должен... и умер бы. Если бы не тот человеческий дед, что совершенно непостижимым образом оказался в самом центре безжизненных песков. Он смутно помнил, каким именно образом оказался под сводом этой странной пещеры, совсем не помнил того, как дед раздел, отмыл его, залечил наружные раны и уложил на жесткий топчан в самом углу этого каменного жилища. Эрдан не принадлежал к расе людей, иначе, после того как странник столь умело излечил его тело, он сумел бы встать и забыть о том, что с ним произошло. Но ранения у него были такими, что изуродованы оказались энергетические потоки внутри, пробоины были серьезными, и он продолжал терять силы. Но и человек, что лечил его, превзошел все ожидания аланита. Он не знал Целителей подобной силы. Ни разу не встречал подобных... первородных, настоящих – во плоти, а не героев сказок и легенд. Все эти мысли пронеслись в сознании Эрдаана, стоило ему в первый раз прийти в себя после лечения. Сейчас он лежал на спине и без интереса разглядывал свод пещеры. От ощущения собственного бессилия мужчина то и дело резко сжимал кулаки, и это было единственным, на что он сейчас был способен.

– Ну, ну, давай: еще раз десять сожмешь и опять потеряешь сознание дня на три, – ехидный голос старика раздался от входа в пещеру. Эрдан подслеповато сощурился, стараясь разглядеть того, кто спас ему жизнь. Судя по одежде, что скрывала мужчину с головы до ног, его подобрал некто, привыкший ходить по пескам Элио. Вот только никогда он не слышал о

том, чтобы люди имели глупость путешествовать в одиночестве в этих местах. – Мне лично так даже лучше. Я могу хотя бы представить, что тебя тут нет.

– К-к... – попытался было сказать Эрдан, но вовремя понял, что для этого слишком слаб; правда, перед этим его больно ударили палкой по лбу.

– Я тебе что – «Имперская благотворительная организация»? – хрипло осведомился дед, не выпуская из рук посоха. – Откроешь рот, когда разрешу! Если не дошло, ты меня стесняешь. Я не люблю гостей, особенно тех, что остаются погостить. Чем дольше ты болен, тем дольше ты будешь тут и тем несчастнее буду я. Доступно излагаю? – фыркнул дедок, легким движением руки убирая ушиб со лба Эрдана. – Теперь пей, спи и не дергайся лишний раз – мне надо работать над твоими потоками. Твои травмы мешают мне жить, так что сделай милость, выздоравливай и уматывай, – пробурчал дед, подсовывая под нос Эрдану глиняную плошку, сильно воняющую чем-то неподдающимся описанию. Не успел мужчина сделать и несколько глотков, как его веки наполнились свинцовой тяжестью, и он даже не понял, что отключился.

– Так гораздо лучше, – едва слышным шепотом проговорил склонившийся над аланитом целитель. – Эх, всего-то неделя прошла, а я уже ненавижу тебя пуще всех на свете.

Когда Эрдан пришел в себя во второй раз, он не поверил собственным ощущениям. До того изуродованные энергоартерии, казалось, полностью зажили. Он чувствовал себя если не хорошо, то очень сносно в сравнении с прошлым разом. Сейчас его тело будто налилось приятной тяжестью силы. Она наполняла собой его нутро, давая опьяняющее чувство, что он способен на все. Несмело пошевелив руками, он решил, что вполне может встать, и даже попытался это сделать. Но тут случилось нечто невообразимое! Его вновь ударили по голове! А совсем рядом упало что-то и звонко разбилось. И только после того, как это произошло, он понял, что не смог среагировать вовремя! Даже не почувствовал, как дед, а больше было некому, запустил в него маленькую глиняную пиалу.

– Ты что – тупой? – без обиняков поинтересовались у него из глубины пещеры.

– Зачем вы швырнули в меня эту миску? – неожиданно слабо прохрипел Эрдан, втайне ненавидя себя за слабость, с которой не мог справиться.

– Потому, что ты идиот и нормальных слов не понимаешь. Что непонятного я тебе сказал, когда просил не вставать без разрешения? – вкрадчиво поинтересовался старик. – Ты еще слишком слаб, а работы с тобой получилось столько, что легче было бы тебя просто удавить по-тихому. И что я вижу? Зенки распахнул, немного ожил – и к демонам все, о чем просил человек, что тебя спас.

Во время этой отповеди старик подошел к небольшому топчану, на котором и лежал сейчас аланит. Неровно чадающая свеча выхватила образ старика, что замер в ногах Эрдана. Необычайно живые и пронизательные аквамариновые глаза смотрели строго. От этого Эрдану стало не по себе! А учитывая, что он в принципе не помнил, когда ему было не по себе в последний раз, ощущение оказалось не из приятных.

– Я хоть и восстановил твои артерии, но воспользоваться силой ты не сможешь месяц, а то и полтора.

– Как?! – пораженно выдохнул мужчина. – Я не могу так долго...

– «Я не могу так долго», – передразнил его дед и тут же жестко сказал: – Болезный, если думаешь, что я буду с тобой возиться полтора месяца, то глубоко ошибаешься. Завтра вещички соберешь, и чтоб духу твоего тут больше не было.

– Но...

– Блоки сможет снять любой недоучка-знахарь за звонкую монету, так что более не задерживаю, – проворчал самый невероятный и противный целитель, что когда-либо встречался Эрдану за всю его жизнь. – И так уже сил нет терпеть вонь твоей болезни и страданий! Всегда одно и то же! Не ценят ни здоровье, ни жизнь, а потом ноют без конца. Почему у них глисты? Почему печень раздулась? А я тебе скажу, – препротивно заворчал дед, – потому, что жрать меньше надо что попало и где попало! А что касается тебя, идиота, то нечего мечи к заднице прикручивать, коли пользоваться не умеешь!

– Вы же первородный, – из последних сил призывая себя к спокойствию, заговорил Эрдан. – Откуда такое отношение к живым и нуждающимся в помощи и исцелении?

– О! – воскликнул дед. – Поумничать решил? А ты поживи с мое – я на тебя посмотрю! Полечи дебилов, потеряй всех, кто был тебе братом, а потом скажи, каково быть таким, как я, и сколько любви к живым в тебе еще останется? Или ты думаешь, я от хорошей жизни торчу в этой дыре? – поинтересовался дедок, сверкнув злым взглядом в сторону больного. – Вот вы все где у меня, – зло указав ладонью на шею, сквозь зубы процедил он.

– Но... послушайте, я не последний аланит в империи и занимаю достаточно высокое положение при дворе, потому имею достойное образование и знаю, что первородные целители не могут так относиться к живым людям! Они – само воплощение любви...

После этих его слов пещера буквально взорвалась от каркающего хриплого смеха. Потом дед вдруг резко замолчал и пристально посмотрел в черные глаза мужчины, что лежал перед ним, своими необыкновенными аквамаринными глазами.

– Скажи-ка мне, не последний муж империи с хорошим образованием, когда исчезли последние первородные целители Двуликого Бога, а?

– Последние первородные исчезли после Десятилетней войны, – заученно пробормотал Эрдан. – Это была великая битва, в которой родилась наша империя!

– Это была Великая резня, в которой вы кромсали, сжигали, травили и Двуликий ведает что еще делали друг с другом. Первородных сгоняли на поля сражений, как скот! Кидали нас в самое пекло, заставляя лечить! Зная, что ни один из нас не пойдет против зова. Не сможет отвернуться от чужой боли. Полагали, что наш дар безграничен, а значит, высасывать его из нас можно бесконечно. Знаешь, сколько из нас выжило после этого?

– В-все, – неуверенно, но все же сказал Эрдан, мысленно прикидывая, сколько же лет этому старику, если война, о которой они говорят, произошла не одно столетие назад.

– И куда же мы делись? – усмехнулся дед. – Раз после нас никто не видел?

– По велению императора Актавия вам была дарована высшая милость Великой Империи Алании, а именно десять тысяч золотых асс, земельный надел в плодородных землях провинции Эсай... – по памяти перечислял Эрдан то, что некогда сумел запомнить на уроке истории у достопочтимого господина Соруса. – Свобода воли в выборе службы и места ее прохождения, а также пособие из казны империи. Но гордые первородные отвергли щедрое предложение империи за оказанные услуги, отринули долг перед родиной и предпочли скитания и вольнодумие, – весьма патетично закончил Эрдан, отчего-то чувствуя, что сморозил глупость. И что тому было причиной: презрительный прищур аквамаринных глаз или же сам факт, озвученный, вдруг показался ему каким-то ненастоящим, что ли?

– Ну-ну, – фыркнул дед, отворачиваясь от мужчины и тем самым показывая, что не желает больше с ним говорить.

Целитель оставил своего подопечного одного, вышел через узкий скалистый проход из своего логова, спустился к подножью горы, в которой жил так давно, что уже и не пытался

считать время. У самой кромки скалы начиналось песчаное море Элио. Здесь его никто и никогда не стал бы искать. В таком месте не стали бы искать даже жалкие крупинцы жизни. Днем Элио раскалялась до невыносимых температур, ночью был такой холод, что мороз, царящий в занесенном снегами Амарио, любому показался бы незначительной прохладой. А он тут жил... и берёг...

Взгляд сам собой упал на десятки каменных валунов, рассыпанных у подножья горы. Казалось, что камнепад случился не одно десятилетие назад. Да камни так и остались лежать, утопая в песках, не потревоженные никем. Вот только он знал имя каждого валуна, хранившего покой его братьев и сестер.

– Айрин, – коснулась рука первого камня, – Дарэн, – и второго камня касается ладонь, – Сорэн, Тим, Ли́ла, Сорэ́йя, Ксандер, Айтон, Эмма, Лиссан, Джо, – хрипло усмехнулся дедок, вспоминая что-то погребенное под пеплом прожитых лет, но все еще не забытое. – Антей, Шиман, Зорис, Там-Там, – и вновь улыбка слышится в голосе. – Дон, Юрис, Катлин, Ром, Симус, Шонтай...

Камней много, и у каждого есть свое имя, у каждого своя история и место в его воспоминаниях – когда они совсем еще юные, молодые, отмеченные касанием Двуликого, вступали на свой путь целителя. Когда никто еще и подумать не мог, как их дар растопчут, а жизнь изуродуют непрекращающимися войнами империи. И все, что останется, – это безымянные надгробия на краю безжизненной пустыни Элио. Кладбище самоубийц, сгоревших первородных, безумных и потерянных. Где дом их хранителя, последнего, того, кто сумел выжить, кто не поддался безумию, кто сумел уберечь свой дар и разум, а вместе с тем и жизнь...

– Слышали, что бормочет этот идиот? Оказывается, вы скрываетесь. Конечно скрываетесь, – согласно кивнул он. – Под непроницаемым покрывалом Элио, под жаром палящего солнца и безумием ледяных ночей. Мы сокрыты так, что ни один из них нас не найдет. Следовало бросить этого недоросля умирать, – покачал он головой, будто соглашаясь с кем-то невидимым, – я знаю. До сих пор чувствую, что влечет за собой опрометчивое решение, но зов все еще поет в крови... Надежда, что ушли мы достаточно далеко от них, тает с каждой секундой. Все зря... – тяжело вздохнул старик. – Если бы не страх, что живет во мне столь долго, я бы... мы были бы вместе сейчас. Но я так хочу жить, – тяжело перевел он дыхание. – Двуликий, почему я все еще хочу жить? – не ожидая ответа, он устремил свой ясный взор к небу, привычно вслушиваясь в тишину и шепот песков.

Эрдан ощущал, что былая сила возвращается в его тело. С трудом, но он уже мог сидеть. Как же не вовремя приключилось это покушение. Сейчас, когда он так нужен своему Дому, он лежит на вонючем топчане на задворках их мира и все, о чем в состоянии думать, – как выползти наружу, чтобы справить нужду. К слову сказать, вместе с тем, как в его тело возвращалась сила, он начинал понимать и еще кое-что. Во-первых, он выжил, а дома наверняка все считают его мертвым. Ведь, похоже, при принудительной телепортации он потерял свой амулет, который мог бы дать знать его брату, куда именно направить поисковый отряд и в каком состоянии он находится. Если брат решит, что он мертв, то скорее всего предпримет шаги на опережение. Начнутся массовые репрессии, а зная нрав брата, утяжеленный его нынешним состоянием...

На этой мысли Эрдан запнулся и нервно перевел взгляд на выход из пещеры. Ну конечно же... Вот оно! Это не просто судьба, а само провидение! Должно быть, богиня Лурес истинно благоволит к нему. Пусть сквозь страдания и лишения, но он нашел то, что так долго

искал и не надеялся обрести!

Стараясь скрыть охватившее его возбуждение, он мысленно призвал себя к спокойствию. Не стоит раньше времени поддаваться эмоциям. Ведь то, что он задумал, не так-то просто сделать в его нынешнем состоянии. Как бы то ни было, дед не простой человек. А если говорить точно, то и вовсе не человек... первородный, отмеченный Двуликим Богом, сильнейший целитель их мира. Что еще он знает о таких, как этот дед? Почему живет он на окраине мира, забыв о деньгах, славе и долге? Какое имеет он право так бездарно тратить свой дар?! И потом, разве будет он неблагодарным по отношению к своему спасителю, если даст тому все то, чего он достоин, в обмен всего на одну услугу? Пусть дед сперва и не поймет, как ему повезло, но признает это позже непременно! Ах, если бы не это ранение и, как следствие, невозможность пользоваться силой! Все было бы куда как проще... А так – придется рассчитывать лишь на себя и благоволение Лурес. Ему нужен амулет перехода, которым уже однажды воспользовался его спаситель. И он очень надеялся, что на амулете еще остались заряды для перемещения.

Когда через несколько часов по пещере поплыли запахи съестного, Эрдан невольно начал жадно принимать. Сколько он не ел? Сколько времени прошло с тех пор, как он оказался тут? Все, что он помнил, – как в его рот проникает влага. А это могло значить лишь то, что дед его все же поил. Но боги, как же ему хотелось сейчас есть! Громкое урчание в животе стало тому ярким подтверждением. Он был не из тех, кто стеснялся говорить, а точнее – заявлять о своих желаниях, но сейчас отчего-то испытывал робость. Не желая признаваться даже себе в том, что странный целитель вызывает в нем легкую оторопь, он все же попытался встать на ноги и самолично отправиться на зов искушающих запахов. Но не успел он толком сесть, как в проходе показался уже знакомый силуэт.

– Что? – скептически изогнув бровь, поинтересовался спаситель. – Решил протереть мне пол своим телом? Чтоб ты знал, до утра можешь даже не пытаться встать. Но уже завтра днем будешь сносно стоять на ногах для того, чтобы убраться из моего дома.

– Но, – постаравшись придать своему голосу необходимых жалостливых интонаций, начал Эрдан, – как?

– Ножками, как еще? – хмыкнул дед, ловко усаживаясь на пол прямо перед спасенным и опуская перед собой поднос с бульоном.

– Но ведь мы же...

– В самом сердце Элио? Да, – уверенно кивнул целитель.

– Я не дойду, – возмущенно воскликнул аланит.

– Чёй-то? – усмехнувшись, поинтересовался дед.

– Это будет самоубийство, – с силой сжав кулаки и призвав себя к спокойствию, Эрдан попытался соорудить жалостливую гримасу.

– Да ладно, – отмахнулся дед. – Таскать вон тот ворох оружия, – указал он на два фамильных клинка, доставшихся Эрдану в свое время в качестве подарка на совершеннолетие, а теперь небрежно брошенных в углу пещеры, – не умея им владеть как следует, вот это – самоубийство. А ножками потопать – это для здоровья самое то.

– Если я не умру от жажды, то замерзну ночью! – все же вспыхнул аланит, не сумев подавить раздражения.

– Значит – судьба, не моя забота, – легко пожал плечами собеседник.

– Но у вас же есть амулет перехода, – отбросив надежду вывести собеседника на нужную ему тему, Эрдан решил повернуть беседу в интересующее его русло сам.

– Есть, да не про твою честь, – фыркнул дед и, не давая возможности сказать Эрдану что-то в ответ, сунул тому ложку с огненным бульоном в рот.

«Да, так дело не пойдет, – мысленно рассуждал Эрдан, лежа в полной темноте и вперив взгляд в окружающую его тьму. – Завтра, только завтра, если верить заверениям этого ненормального, я смогу вновь ощутить себя полным сил и встать на ноги. Дед выглядит до смешного тщедушным. Так что, даже несмотря на то что силы мои заблокированы, есть шанс просто оглушить его... А там – стоит вернуться домой, и я сумею найти достойный аргумент, чтобы он согласился еще раз мне помочь. Нельзя упускать такую возможность, никак нельзя!»

Глава 1

Приходить в себя после того, как едва не отдавший богу душу придурок решил воспользоваться твоим радушием и шархнул тебя по голове не пойми чем, – то еще удовольствие, скажу я вам. Особенно приятно осознать, что твои руки туго связаны, лицом ты упираешься в каменный, изрядно отполированный пол, а в пяти сантиметрах от твоих глаз находятся чудесные сандалии из кожи молодого бычка на огромных лапищах неизвестного мужика. Почему мужика? Ну, думается мне, мало найдется красоток со столь внушительным размером ноги и повышенной волосатостью кожного покрова. Еще одним, безусловно приятным, открытием становится тот факт, что этот мужик здоров как бык. Именно поэтому от него не пахнет ни старыми хворями, ни острыми болями. Чист, аки младенец. Чушь, просто кто-то не поленился и затянул на мне петлю Двубликого.

– Я же просил быть с ним поаккуратнее, – откуда-то издали послышался встревоженный голос моего давешнего знакомого-мерзавца. – Поднимите его с пола, пока он не пришел в себя, и развяжите руки. Это ни к чему. Нет, Римс, петлю не трогай, только руки, – засуетился где-то рядом тот, кого все же стоило бросить умирать в пустыне. Паренек-то оказался не просто аланитом, что само по себе было премерзким фактом, а еще и подлым уродцем.

Я занималась им добрых две недели. Две недели постоянной усталости, недосыпания и магического истощения, не говоря уже о горшках и прочих радостях по уходу за лежащим больным. И что в итоге? А в итоге... все как всегда. Жадность живых не имеет предела. Эгоистичность и алчность – вот что движет этим миром, который уже слишком давно забыл, что такое любовь, самоотдача, сострадание. Что говорить, я и сама пытаюсь забыть, но мой проклятый дар расставляет приоритеты в моей жизни. И его вовсе не волнует, как мне опостылело все это. Как устала я от глупости и порочности живых. Как ненавистны мне чужие хвори и неблагодарность спасенных мною людей.

Тем не менее я заставила себя прикрыть глаза и еще крепче сжать челюсти, чтобы, не дай Двубликий, не испортить свое и без того незавидное положение. Перед тем как ударить меня, «больной» сказал, что ему нужна всего одна услуга... Они всегда так говорят. Это успокаивает их совесть. Так им кажется, что они вовсе не неблагодарные твари, а всего лишь просящие. Я точно знаю, что им всегда будет мало. Тем более если человек или нелюдь наделен властью. Такие люди развращены тем, что имеют. Они наивно полагают, что вправе владеть всем, чем им захочется. Даже жизнями других. Им кажется, что все в этом мире создано для них и ради них. Они верят в собственную значимость и исключительность, а на деле... каждый из них – всего лишь существо, которому рано или поздно предназначено превратиться в тлен у ног живых. Тем временем здоровяк Римс легко поднял меня на руки и куда-то пошел, не особо задумываясь, удобно ли мне висеть кверху ногами, уткнувшись носом в его пухлый зад. Отвратительное начало дня!

– Осторожнее, Римс, осторожнее, – кудахтал где-то сбоку мой давешний больной. – Положи его вот сюда. Да осторожнее же ты! Ой... ты что, не видишь, что это подлокотник, а не подушка! Он и так пострадал, не стоит усугублять! Мне он нужен здоровым!

«Стоило подумать об этом прежде, чем приложить меня головой о деревянный подлокотник два раза подряд!» – хотелось высказаться мне, но оставалось лишь с удвоенной силой сжимать челюсти.

Что за жизнь...

Стоило мне почувствовать, как этот самый Римс опустил меня на небольшую кушетку и отошел в сторону, я решила, что пора немного поохать и открыть глаза. Не хватало только, чтобы они еще и в чувства меня соизволили привести.

– Кажется, приходит в себя, – прокомментировал мои стоны бывший больной.

– Прихожу, – пробурчала я старческим голосом, не имея никакой возможности поправить голосовые связки, поскольку петля, небрежно накинутая на мою шею, этого бы не позволила.

Я привыкла общаться с окружающими в обличье пожилого мужчины. Так было проще. Быть девушкой чревато, когда не уверена, что сможешь постоять за себя в любой ситуации. Быть старухой не солидно. Пожилых женщин в империи не воспринимают вовсе. Юношей? То же самое, что и старухой. Возраст меняется, отношение остается. Потому быть мужиком в летах – оптимальный вариант... особенно учитывая мой прескверный характер, скрывать который я не вижу ни необходимости, ни желания. Почему? Да просто слишком долго брожу по дорогам Айрис, чтобы все еще быть милой, общительной и вечно улыбающейся. Хотя не факт, что даже в молодости я имела вышеперечисленные достоинства.

– Простите меня! – тем временем накинулся на меня Неблагодарный Уродец. – Я не хотел, чтобы все было именно так, но по-другому вы бы не согласились! Мне пришлось...

– Ага, – не желая слушать весь этот насквозь фальшивый монолог, решила все же избавиться себя от сомнительного удовольствия выслушивать об угрызениях совести, что теперь будут изводить этого хлыща прям-таки до конца его дней. – Я так вот сразу и понял. Особенно хорошо мне стало ясно, как сильно ты не хотел, когда ты обчищал мои карманы, предварительно оглушив.

– Послушайте, – на мгновение вспыхнул мужчина, явно подбирая слова. – Я понимаю ваше раздражение, но, на мой взгляд, следует все же понимать, с кем вы говорите, прежде чем произносить нечто подобное! Вы хоть знаете, кто я такой?!

Вот он. Мой любимый момент, когда маска лживой услужливости слетает с лица того, кто привык получать от жизни все, что захочет, по простому щелчку пальцев. Когда вся эта насквозь фальшивая шелуха слетает с красивого лица, обнажая неприкрытую спесь.

– Нет, – против воли улыбка все равно расцветает на моих губах. И почему этот олух полагает, что мне есть дело до того, кто он? – И мне совершенно нет до этого дела, – легко пожимаю я плечами. – Все, что нужно мне знать, я вижу и так. Ты молодой аланит. Тебе нет и тридцати. Слишком молод для того, чтобы так высоко взлететь самостоятельно. Твои крылья тени еще не окрепли. Больше скажу, у тебя задержка в развитии и взлетишь ты еще не скоро... Почему? Потому, что твои предки грешили с близкородственными браками. Это приводит к патологиям в роду. Я пробовал твою кровь, потому не стоит выпячивать глаза и возмущенно сопеть, я знаю о тебе столько, сколько ты сам вряд ли бы выяснил за всю свою жизнь. У тебя застарелая инфекция мочевыводящих путей к тому же. Не будешь лечить – бубенчики откажут раньше, чем сможешь расправить крылья. Ну что ты покраснел, будто девица на выданье, разве не затем решил спереть первородного, чтоб всю правду о своих перспективах на жизнь выведать? Да ты не расстраивайся, коли нечем будет погреть там, – выразительно посмотрела на его бедра, – то хоть, может, драться научишься. Жизнь – такая штука. В одном месте затор, так в другом пролезть завсегда можно, – легко пожала я плечами. – А баб впредь поосмотрительнее выбирай... Ну, это так, на будущее, конечно... – Тут я позволила себе тяжелый вздох и начала разглядывать убранство помещения, в котором

очутилась. Все же аланит и впрямь оказался молодым, потому еще никак не мог отойти от переживаний о своей погребушке... М-да... дети.

И «ребенок» этот был явно не из бедненьких. Огромная зала, белоснежный мраморный пол, изысканная мебель и пушистые ковры. Я сидела на небольшой кушетке, обитой ис'шерским шелком, и буквально чувствовала, как мой пропыленный зад оскорбляет труд тех людей, что не жалея сил ткнут это совершенство. За моей спиной было огромное окно в пол, за которым находилась широкая терраса, судя по размерам и множеству цветов, высаженных на ней, предполагалось, что господа аланиты будут проводить на ней вечера, предаваясь романтическим мечтаниям, или гуляниям, или еще чем-то более осязаемым, но непременно романтическим.

– Знаешь что, – вдруг зло оскалился мой «пациент». – Я хотел с тобой по-доброму! Так, чтобы и тебе выгода была! Ведь как это ни печально признавать, но я вроде как обязан тебе! Но будь я проклят, если стану терпеть подобное! И уж тем более не стану позориться перед братом, показывая ему тебя, предварительно не укротив твой нрав!

– Мальчик, – устало посмотрела я на него, – что ты можешь такого, что я еще не видел в своей жизни? Что ты можешь сделать со мной, чего уже не сделали подобные тебе?

– Как насчет того, чтобы укоротить твой поганый язык?! – зло выверился аланит, обжигая меня темным взглядом.

– Он отрастет уже на следующий день, – пожала я плечами. – Ты забываешь, кто я такой, малец. Дар Двумликого, как и его творец, имеет две стороны.

На миг мне показалось, что мой ответ шокировал этого мелкого поганца настолько, что он готов был обнять меня и извиниться. Но мерзкий пройдоха лишь окликнул своего слугу:

– Римс, отведи нашего гостя в подвал и позаботься, чтоб ему было там комфортно...

– «Было там комфортно!»! Вот же скотина бескрылая, что б тебе не сдохнуть в пустыне?! – зло сплюнула я, понимая, что еще пару часов – и я перестану чувствовать руки. Тоже хороша, и чего мне не сиделось на той чудесной кушетке?! Эх, язык мой воистину – мой самый лютей враг. Но и я уже не в том возрасте, когда так легко удержаться от старческого ворчания... Хорошо, не от ворчания! Оно могло бы быть и безобидным. Просто не могу я уже сдержаться. Не могу терпеть, когда надо бы помолчать. Настолько я устала от этого мира. Настолько тяжело мне играть по правилам, которые так любят соблюдать сильные мира сего, раздуваясь от собственной важности, будто их не первый день пучит.

– Эй, – писклявый голосок от противоположной стены заставил меня вынырнуть из собственных мыслей и обратить внимание на человека, что был прикован напротив. Тощий паренек лет шестнадцати буквально висел на кандалах, потому как сил стоять у него, похоже, уже не было. – Ради Лурес, не могли бы вы потише, – взмолился он. – Если они услышат, то нам обоим несдобровать.

– Похоже, то, что ты вот-вот отдашь душу на суд Литы от истощения, – это несомненная удача, не так ли?

– Может быть хуже, – зловещим шепотом поведал он.

– Ребенок, тебе не говорили, что ты довольно здраво мыслишь для своих лет?

– О чем вы? – устало проямлил он, явно находясь на грани обморока.

– Всегда может быть хуже – золотые слова, малец. Кстати, случаем не подскажешь дедушке, где мы?

– Вы что, тупой? – как-то обреченно посмотрел он на меня.

В то время как я невольно прониклась к парню. Вопросы задает по существу и мыслит трезво.

– Это темница, пыточные подвалы...

– Чьи?

– Ну ты, дед, даешь, тебя там по голове не били случаем? – несколько оживился паренек.

– Вообще-то били, – не считая нужным отрицать сей факт, призналась я.

– А, ну ясно... – сочувственно кивнул пацан, и голова его устало упала на грудь.

– Эй, ответь на вопрос старика прежде, чем... спать, – тактично подметила я.

На этот раз малец лишь вяло попытался запрокинуть голову, а в результате начал бубнить себе поднос.

– Дом семьи Наньен...

– Наньен?

– Паньен...

– Паньен?

– Ариен! – все же подняв голову, выверился пацан и тут же вновь сник.

– Так бы сразу и сказал...

Ариен, значит, м-да. Могло быть и хуже. Последний из живых Ариен, которого знала я лично, был на службе у тайной канцелярии. Думаю, мало что изменилось с тех пор для этой семьи. Аланиты живут в мире, где всем заправляют касты. Младшие дети еще могут перейти из одного сообщества в другое, но только не наследники либо те, кто согласен стать таковым для всего рода. Ариен – это незыблемый столп, на котором зиждется власть в империи. И то, что меня занесло в родовые пыточные подвалы, значит, что я оказалась в объятиях тех, от кого столь долго пыталась держаться как можно дальше.

– Стесняюсь спросить, – вновь обратилась я к парнишке, который, казалось, потерял всякий интерес к реальности, – как так вышло, что столь юное создание находится в казематах, предназначенных для врагов империи?

Парень тягостно вздохнул и как-то обреченно сказал:

– По дурости...

– Ну, пока ты явно умнее тех, кого я встречал за последние десятилетия... – пробурчала я себе под нос, восхищаясь тем, как здраво оценивает этот человеческий ребенок себя и мир в целом. – А конкретнее? – Ну, мне было скорее скучно, нежели любопытно. Прошло уже более четырех часов, как я оказалась прикованной к каменной сырой стене в промозглом подвале. Пока никто не желал отрезать от меня куски плоти, всячески издеваться и прочее, потому приходилось тихо мерзнуть и уговаривать свой организм, что ему только кажется, что пора бы отлучиться по нужде. Одним словом, нужно было с кем-то поговорить.

– Да, – досадливо протянул пацан, – связался с одним хмырем. Он предлагал хорошие деньги, если помогу перейти ему через перевал...

– Перевал? – заинтересовалась я.

– Ну да, ко мне частенько обращаются в обход имперских станций перехода. Сами знаете, – тяжело сглотнул он, – любой переход в империи...

– ...да благословит император, – фыркнула я.

Вот именно под таким придурковатым предлогом они заставляли всех жителей империи приучаться к легальным станциям перехода и не пересекать границы в обход таможни. Естественно, что кроме благого напутствия приходилось платить и пошлину. В принципе, простой люд успешно игнорировал «благословение» и жил во грехе, путешествуя

самостоятельно. «Благословители» на таких обычно закрывали глаза. Что возьмешь с простого нищего крестьянина, а вот купцам и прочим со звонкой монетой в кармане греховничать было не к лицу и следовало регулярно получать «благость» сверху.

– Я хорошо знаю наши места, и у меня никогда не было проблем с клиентами, а тут...

– Замели? – участливо поинтересовалась я.

Вместо ответа парень выразительно глянул на меня, как если бы вновь озвучил вопрос о моем умственном состоянии, и с непередаваемым выражением на лице тряхнул цепями. Ну, попытался тряхнуть.

– Нет, сам пришел, – пробормотал он. – Тот гад какие-то шутки пер в своей сумке – как оказалось, очень империи нужные. А я вроде как сосучапником оказался... шут его знает, что это значит, – устало вздохнул он.

– С таким произношением я и сам не возьмусь судить, – пожала я плечами.

Мужчина откинулся на спинку кресла, устремив свой потемневший взор на линию горизонта. Взгляд его был сосредоточен, темные брови напряженно нахмурены, губы сурово поджаты. Мысли, витавшие в его голове, были мрачны и тяжелы. Он умирал. Пусть медленно, но необратимо развивалось то, что совсем скоро сотрет его с лица земли. Единственное, что не давало ему впасть в пучину отчаянья, – это его работа. Желание, чтобы жизнь его оказалась хотя бы в какой-то степени не напрасной. Сделать так, чтобы его род процветал, а империя стабильно развивалась. Ничто не мешает ему исполнить то, что он должен. Он давно разучился чувствовать радость жизни, ее неповторимый вкус. Самому себе он казался мертвецом, который все же нуждался пока в еде, женщинах, сне и прочей ерунде. Но все это было ограничено лишь физиологией. Пища на вкус давно стала пресной, женщины – потребностью, сон – необходимостью. Простые жители империи его называли Тенью Императора. Его боялись. Им пугали детей, своенравных подростков, нерадивых мужей и оступившихся с пути закона граждан. Ему было все равно, любим ли он народом. Боятся ли его. Главное, чтобы это шло на пользу его делу. Страх имперцев перед ним был ему на руку, потому он не возражал и не пытался выглядеть как-то по-другому. Тень Императора... да, он и впрямь был похож на тень. Всегда в черном, какая бы ни была погода, какое бы ни было событие. Только ему было дозволено посещать любые мероприятия, не изменяя черному цвету одежды, не обнажая кистей рук. Жаль только, все выше перечисленное не было стилем, который так ему нравился. Просто единственная часть его тела, которая пока не пострадала от одолевавшей его болезни, была именно голова. Хотя даже волосы его были цвета воронова крыла, так что всё в тон. Лучший мечник империи, первый красавец и самый завидный жених семьи Ариен, несгибаемый глава тайной службы его императорского величества. Аланит, с которым мало кто решился бы поспорить, одно имя которого навевало страх на окружающих его существ, а для самого себя – просто калека, которому недолго осталось на этом свете. Как плакала его мать, когда узнала, что сделали с ее сыном, что, несмотря на невероятное здоровье их расы, на силы, что дарованы им богами, он никогда не сможет победить заразу, которая ныне прочно засела в его теле. Ни один целитель, маг или знахарь не способны поделаться с этим хоть что-то. Как уговаривала она его оставить службу и попытаться найти выход, спасти себя. Но Рэйнхард знал: все это пустое. Он никогда не страдал от мечтательного склада характера. Лишь одно тяготило его: преемника на свое место он не видел среди собственных родственников. Его двоюродный младший брат – самое большое его разочарование. Эрдан никогда не будет достаточно готов

для того, чтобы занять его место. Не было в нем ни остроты ума, ни усидчивости, ни терпения и выдержки, чтобы разыгрывать долгие партии по вычленению тех, от кого следует избавиться во имя Алании. Недавно его брат пропал. Мать умоляла сосредоточить все силы, подвластные Рэйну, на его поисках, но сам Рэйн всегда отделял личное от того, что действительно необходимо в данной ситуации. Вместо того чтобы искать брата, заглядывая в каждый уголок империи, он искал того, кто поднял руку на члена его семьи. Ту гниль, что необходимо было искоренить. Завтра должна была состояться казнь. На эшафот поднимется Сориен Иль Варгус, некогда лучший друг его брата, а точнее сказать тот, с кем его младший брат проматывал состояние семьи, изображая богатого наследника рода. Рэйн был зол на брата за то, что он подпустил к себе так близко шпиона Илонии. Хотя и признавал, что и самому ему стоило быть внимательнее, но он все это время занимался отцом Сориена, считая его тем, кто работает на «дружественное» империи государство. В разработке был и сын, но он никак не проявлял себя, кроме как в качестве участника светских раутов, загульных оргий, азартных зрелищ, всяческого проматывания отцовского состояния и частого гостя их резиденции. Не проявлял до тех самых пор, пока не организовал покушение на его брата.

Теперь на центральной площади готовилось два торжественных события. Казнь для Сориена и игрища для его отца, где Сориен-старший попробует отстоять свое право на прощение, вступив в бой с ящерами сцима. Ядовитые твари, огромные и безжалостные, которых невозможно одолеть без магии и силы, заключенной в крыльях каждого аланита. По традиции такие сражения требовали блокировки сил...

Прерывистый стук в дверь заставил Рэйна против воли вздрогнуть. Слишком глубоко он погрузился в пучины воображаемого безрадостного будущего. На самом деле больше всего его мысли занимало «время», а если точнее – сколько у него осталось этой странной субстанции.

– Войдите, – холодно бросил он, прекрасно зная, кого принесло к его дверям.

Еще утром он получил вести, что его двоюродный брат чудесным образом сумел избежать смерти и вернулся под заботливое крылышко матери. Он был жив и здоров – а в таком случае их встреча могла обождать окончания рабочего дня. Весь день Рэйн провел во дворце, а домой вернулся лишь пятнадцать минут назад, так что он знал, кто мог прийти к нему так скоро без предварительной договоренности. Эрдан с радостной улыбкой на лице буквально ворвался в его кабинет и тут же с размаху упал в кресло, что стояло напротив рабочего стола Рэйна.

Не было крепких объятий и братских похлопываний по спине не только потому, что Рэйн не выносил, когда влезают в его личностное пространство без должной причины, но и потому, что это принесло бы ему лишь боль. Хотя он ощущал ее постоянно. Менялись лишь оттенки.

– Ты жив, – констатировал он.

Эта его реплика заставила брата улыбнуться еще шире, подняться на ноги и покружиться вокруг себя, демонстрируя целостность собственного тела.

– Как видишь! Хотя, скажу тебе откровенно, рассчитывать на такой исход не приходилось!

– Слушаю, – серьезно произнес мужчина, оставаясь совершенно безучастным к легкомысленному веселью братца.

– Э, нет! Не так просто! Попробуй угадать, как я остался жив, когда эти ублюдки

сделали все возможное, чтобы подобного не произошло!

На такое предложение Рэйн и вовсе отказался отвечать, лишь многозначительно изогнул черную бровь.

– Ну, тебе что, сложно подыграть в честь моего спасения?! Обещаю, ты не пожалеешь, если попробуешь!

Смерив брата тяжелым взглядом, Рэйн глубоко вздохнул, напоминая себе, что его боль – его проблема. Раздражение, которое он испытывает постоянно от глупой болтовни, что ослабляла его концентрацию над собственными ощущениями, не должно затрагивать ни семью, ни работу.

– Тебя воскресил жрец Дзуликого, – неохотно вступил он в игру, предположив самое нереальное из того, что могло бы быть, лишь бы поскорее перейти к сути.

Но вместо очередного смешка лицо брата вдруг стало серьезным, и он несколько разочарованно пробормотал:

– Как это-то ты узнал?

– Прости? – уже раздраженно бросил Рэйн, не понимая, к чему ведет его чересчур легкомысленный брат.

– Это должно было стать сюрпризом! Как ты узнал?

– Узнал о чем? – все еще спокойно переспросил Рэйн.

– О жреце Дзуликого, ты же сам сказал!

– Повтори, – скупно бросил он, решив, что ослышался либо же что брат сейчас начнет глупо хихикать и восклицать, что сумел-таки обмануть старшего брата.

– Меня спас первородный. Ты что, издеваешься надо мной? Сам же все уже выведал ума не приложу как, так еще и меня заставляешь повторять, – Эрдан казался не на шутку задетым, что его ожидания не оправдались. И, вместо того чтобы увидеть неподдельный интерес брата, он чувствовал, как закипает в нем гнев.

– Первородные исчезли не одно десятилетие назад, ты ведь должен был хоть чему-то научиться на тех бесчисленных уроках, что оплачивал твой отец? – Обжигающий прищур черных глаз задел Эрдана за живое. Совсем не так он представлял себе реакцию брата, когда сообщит ему умопомрачительную новость о целителе, которому подвластно не только исцелять раны и легкие хвори. Эрдан представлял себе, как вечно невозмутимый Рэйн будет благодарить его, едва ли не валяясь в ногах, стоит ему узнать, что Эрдан привел того самого целителя в их дом!

– Скажи это мерзкому старикашке, что я доставил для тебя, между прочим, и который наверняка уже наделал в штаны от страха в наших родовых подвалах, – зло огрызнулся Эрдан, порядком раздраженный тем пренебрежением, с которым разговаривал с ним старший брат.

– Еще раз! – Рэйн и сам не помнил, когда в жизни он не мог понять то, что ему говорят, с первого раза. Но сейчас произнесенное Эрданом больше всего походило на горячечный бред. Ему не дал погибнуть первородный? Хорошо, допустим. Хотя больше всего походило на то, что младшего брата просто надул мошенник, который выдал себя за жреца Дзуликого. Но Эрдан-то верит, что целитель настоящий! И что приходит на ум его брату? Посадить величайшую драгоценность их мира, возможно последнего представителя редчайшего дара, на цепь. Боги, за что?! Хотелось воскликнуть мужчине, но вместо этого он лишь ждал, когда Эрдан наконец пояснит то, что с ним произошло. Под конец рассказа брата Рэйн думал лишь об одном: в кого его брат родился таким... хотя о чем это он, ясное дело, в кого – в мать.

– То есть, – чересчур спокойно начал Рэйн в то время, как с лица Эрдана начала

сползать восторженная улыбка. Младший брат всегда чувствовал, когда надвигается гроза. – Ты совершенно серьезно заявляешь мне, что оглушил первородного, надел на него петлю Дзуликого и приковал цепями в пыточной? – вкрадчиво поинтересовался Рэйн.

– Да... – несколько растерянно кивнул брат.

– И все это ты провернул с мыслью о том, что он станет лечить меня?

На этот раз Эрдан лишь коротко кивнул и вздрогнул, когда Рэйн начал перебирать пальцами, мягко ударяя подушечками по поверхности стола. Взгляд старшего брата стал несколько отстраненным и как будто бы стеклянным. Эрдан хорошо знал, что именно так, с того самого момента как тело его брата начала жрать болезнь, он выражает крайнюю степень ярости. Не было ни криков, ни гневных слов, лишь этот мягкий ритмичный перебор пальцев по деревянной поверхности стола.

– Я надеялся, – тихо сказал он спустя продолжительную паузу, – что ты умнее, – холодно бросил он.

И эти простые слова, не несущие в себе ни гнева, ни тени другой эмоции, били куда сильнее, чем любое ругательство. Только Рэйн мог заставить его почувствовать себя настоящим ничтожеством, бросив всего одно простое слово.

– Я... – начал было Эрдан, пытаясь подобрать слова, которые бы следовало сказать сейчас, но когда Рэйн смотрел на него с такой холодностью, они упорно исчезали из головы. Он был младшим. Он привык к тому, что с самого детства на него смотрят с обожанием, умилением, любовью. Так смотрели мать, сестра, младший брат, бабушки, няньки, даже отец. Потом так же на него всегда смотрели девушки, женщины, друзья, но не Рэйн. Не его старший брат, который никогда не давал ему дополнительных баллов. Не обожал его просто так, как делала это мать. Брат всегда был строг и холоден, и невероятно то, что именно Рэйна Эрдан любил больше всего на свете. Он обожал его, боготворил – и в то же время боялся, а порой и ненавидел. Этот невероятный коктейль эмоций всегда толкал его на нечто большее, чем ему самому хотелось. Он старался ради брата и только ради одного его доброго слова готов был на очень и очень многое. Вот только делал он все это ради собственного эго, которое ущемляло такое отношение Рэйна, или же на самом деле беззаветно любил старшего брата, он не взялся бы судить. Да и не задумывался никогда.

– Тебе стоит отдохнуть сейчас, – поднимаясь с кресла, обронил Рэйн и отправился в сторону двери. – Сэптим, – чуть повысив голос, позвал он.

– Да, господин, – в дверях возник пожилой мужчина-человек и, глубоко поклонившись, замер в ожидании приказа своего хозяина.

– Пойдешь со мной, – сказал он и, ни разу больше не взглянув на брата, вышел из своего кабинета.

Эрдан смотрел ему вслед, и постепенно тот задорный огонек неподдельной радости в его глазах от встречи с братом и предвкушения его реакции на известие, которое он принес, исчезал. Плечи поникли, а губы скривились в горькой усмешке.

«Все как всегда...» – подумалось ему, а рука в этот момент взметнулась, чтобы со всей силы швырнуть на пол дорогое пресс-папье.

– Вот яичко, или тестис.

Коль в мошонке, то на месте.

Ну а если у мальчонки

Не окажется в мошонке

Ну хотя бы одного,
Тогда скажут про него —
Этот случай – крипторхизм.
Тестис есть, но где-то скрылось,
До конца не опустилось.
Что ж такое монорхизм?
Здесь одно только прошло,
А второе не дошло.
Третий случай – анорхизм —
Неизвестен механизм.
И другой совсем ответ,
Тут яичек больше нет.

– Да утомнитесь вы уже! – злое шипение оборвало меня на самом интересном. Еще пару минут – и я начала бы петь похабные частушки моей студенческой молодости. – Вы такой старый, а такую непотребщину несете! – возмутился пацан и, кажется, даже собрался с силами, чтобы попытаться дотянуться до меня. – Чего вам спокойно не висится?

– Потому, молодой человек, что мне ужасно не хочется оконфузиться перед вами, – горделиво ответила я и вновь заерзала так, что теперь на всю темницу загремели цепи.

– Чего? Можете фузиться сколько влезет, только хватит уже! Дайте тишины!

– Послушай, мне надо по нужде! Очень надо! И примерно с тех пор, когда моя матушка сподобилась выделить мне горшок, я не привык дуть себе в штаны.

– А придется, – ехидно усмехнулся пацан, явно внутренне радуясь тому, что я буду чувствовать себя неловко, в то время как он почувствует себя отомщенным.

– Ты, – набрав побольше воздуха в легкие, я уж было приготовилась высказать парню все, что следовало бы, как дверь в наш маленький подвал отворилась и на пороге возник рослый, наголо обритый детина в простых тряпичных брюках и сапогах. При всей внушительной комплекции у него были совершенно крошечные пороссячьи глазки, такие, что от одного взгляда на него хотелось улыбнуться, если бы я точно не знала, что этот пухлый и розовощекий амбал – мастер пыток семьи Ариен. Об этом наглядно свидетельствовала татуировка в виде крошечной птички на его груди. Мужик молча подошел ко мне и стал откручивать кандалы от специальных креплений, на которых я все это время и висела. Я не пыталась протестовать или что-то спрашивать у этого мужчины, поскольку занятие это было бесполезным. Палачам отрезали языки, как только они вставали на этот путь. Это не было насильственным актом в понимании имперцев. Всего лишь традиция, с которой приходят в профессию. Либо так, либо работой где-нибудь еще... Хотя обычно профессия переходила от отца к сыну. Я уже говорила, что кастовость в Алании была одной из основ правопорядка. Женщины, младшие дети могли перемещаться между родами, выходя замуж или поступая в услужение, но только не наследники семей, если, конечно, по объективным причинам они не могли занять положенный пост. Вот, например, мой бывший пациент оказался натуральным придурком, конечно, его нельзя сажать во главе Ариен. Проще сразу распустить империю. Это так, к слову пришлось...

Как только мои руки упали двумя бесчувственными плетями, мириады острых иголок ударили по нервным окончаниям. Я невольно скривилась, но разумно не стала ни

возмущаться, ни протестовать. Тем временем пыточных дел мастер ухватил меня за цепь и буквально поволок из камеры, поскольку затекли не только руки, но и ноги. Пока мы шли по длинным мрачным коридорам, я несколько раз падала, колени мои кровили и нещадно болели. Хотя чего это я, болело все. Голова, руки, ноги, желудок... предатель думал о своем, ему-то хоть война, лишь бы пожрать! Шли мы, по моим ощущениям, вечность, на деле, думаю, – не больше двадцати минут до того, как перед нами возникла высокая дверь из темного дерева. Палач резко встал как вкопанный, я же решила обняться на прощанье и врезалась в его широкую спину. Пороссячи голубые глазки злобно сверкнули на меня сверху, я фыркнула... хотела фыркнуть, в результате хрюкнула. Вот и поговорили.

После обмена любезностями я ожидала, что начнется самое интересное. Отворится дверь – и я окажусь в старательно забытом месте. Хотя кому я вру, никогда я не забуду, как пахнет пыточная. Равно как никогда не перестанут сниться мне одни и те же сны, где я оперирую тяжело раненного солдата, находясь в тогда еще королевском госпитале. Операционные там были всем на зависть. Чистые, светлые, просторные, отменно оснащенные. Да и персонал в больнице всегда был вышколенным. Приятно работать. Я беру скальпель и делаю надрез – а уже в следующую секунду это я лежу на столе, в темной комнате, пропитанной человеческими испражнениями, страхом, кровью и болью. И это меня вскрывает не целитель, а палач... Конечно, я пленная, я должна быть допрошена со всей жестокостью, как требует закон военного времени. Вот только он режет, а раны мои не затягиваются ровно до тех пор, пока он не стаскивает с меня «петлю», давая повреждениям исчезнуть, и тогда все повторяется вновь... а я так измождена, что вместо криков боли, от которой агонизирует все внутри меня, вырываются лишь сиплые всхлипы, пока чернота заботливо не укрывает сознание на жалкие доли секунд.

– Нам будет весело, поверь, – холодно сказала я, даже не пытаясь сопротивляться и бежать.

Я пробовала однажды. Теперь знаю, что это бесполезно. Внутри все будто заледенело. Сколько бы я ни храбрилась, страшно мне было все равно.

Тем временем здоровяк, не обращая внимания на мои слова, коротко постучался, а после решительно открыл дверь.

То, что меня привели не в пыточную, стало понятно тут же. Это место скорее походило на рабочий кабинет. Просторная чистая комната, в которой витали запахи бумаги, чернил и дорогого парфюма. Впрочем, обладателя этого самого парфюма я увидела сразу. Он сидел за широким деревянным столом, сложив руки, утянутые в черную кожу, перед собой. К слову сказать, мужчина был весь в черном, даже его волосы и глаза были глубокого черного цвета. Только кожа на лице казалась совершенно бледной, будто давно не знала солнца. Он внимательно смотрел на нас, и чувствовалось, что за его пристальным взглядом сокрыт глубокий пронизывающий ум. И даже несмотря на то, что внешне он был весьма привлекателен, я бы посчитала его очередным уродцем, если бы не этот острый пронизывающий взгляд, который свидетельствовал о наличии интеллекта. Ну что сказать, я питала слабость к умным людям. Их я могла уважать.

– Присаживайтесь, – заговорил мужчина, указывая взглядом на глубокое кресло перед письменным столом, за которым он сидел. – Трион, сними кандалы, я же просил, – вкрадчиво заметил он, остро взглянув на палача. Толстяк под его взглядом, кажется, вздрогнул и уже немного подрагивающими руками поспешил разомкнуть кандалы, то и дело промахиваясь ключом мимо скважины.

Мужчина лишь молчаливо наблюдал за тем, как неуклюже возится с замком Трион. Он был воплощением вселенского спокойствия, но казалось, нервировал здоровяка тем самым еще больше. Наконец кандалы были сняты, и я с облегчением плюхнулась на кресло. Да, я умела наслаждаться предоставленными мгновениями, не стесняясь окружающих. Сейчас мои ноги болели, гудели и вибрировали так, что стесняться и говорить, мол, я лучше постою, я не собиралась.

– Свободен, – лишь коротко бросил он тому, кто привел меня. Дверь затворилась, и мы остались вдвоем.

На его лице не дрогнул ни один мускул, пока темный взгляд скользил по мне, будто бы ощупывая и тщательно осматривая каждый сантиметр моего тела. При этом он хранил молчание, не пытаясь брезгливо фыркать, когда его взгляд упал на мою изрядно истоптанную обувь или когда он осматривал мой пропыленный песками Элио наряд. Я оценила. В то же самое время я сама беззастенчиво осматривала мужчину, что сейчас сидел передо мной. Ну, что я могу сказать... кроме того, что он являлся обладателем весьма привлекательного лица, его вещи регулярно стирали, а может, после носки тут же выкидывали, не позволяя господину пользоваться одним и тем же нарядом дважды. Богатенький гаденыш, заключила я, переключившись на обстановку в кабинете. И будто почувствовав, что им больше не интересуются, мужчина заговорил:

– Мое имя Рэйнхард Эль Ариен. – Одно его имя заставило меня вновь обратить внимание на его обладателя. Старший сын семьи, пронеслось в голове, и это знание заставило напрячься все тело. Младшие дети носили в имени приставку Иль, а далее шла девичья фамилия матери. – И я хочу поблагодарить вас за то, что вы сделали для моего брата, – сказал он и замолчал, будто бы ожидая что-то в ответ. Я же не спешила с ответом, потому как после «спасибо» такие люди обычно добавляли «но». – Я понимаю, это не совсем та, – многозначительно посмотрел он на меня, – благодарность, на которую вы рассчитывали, но...

Вот оно!

– ...Так уж сложились обстоятельства.

Не оно!

И вновь взглянул на меня, пленяя мой взгляд своим, будто завладевая разумом и сознанием.

– Могу я узнать ваше имя? – не спеша переходить к делу, поинтересовался он.

– Соль.

– Соль?

– Просто Соль, – кивнула я.

– Необычное имя...

– Просто слишком старое, чтобы им до сих пор пользовались.

– Хотите пить, Соль?

– Нет.

– Нет? – явно удивился он.

– Я хочу в туалет, – припечатала я. – А потом пить, – решив, что второй раз могут не предложить, решила-таки пользоваться ситуацией. – И есть, – немного поразмыслив, добавила я.

Рэйнхард никак не показал, что мои три желания его как-то задели или удивили, хотя если подумать, то ничего сверхъестественного я не потребовала. Раз благодарен, то сперва

напои, накорми, маленькую просьбу исполни, а потом уж и ответ вели держать. Как-то так...

– Сэптим, – коротко позвал он, и тут же из небольшой ниши в стене, куда не доходил свет, выступил пожилой мужчина-человек. – Ты слышал, о чем просит гость, – позаботься.

– Прошу вас, – склонился мужчина и, указав рукой на ту самую нишу, как бы предложил туда проследовать.

Спорить и противиться я не собиралась, потому как если не там, то здесь это случится. И лучше уж в теньке...

Как оказалось, зря я так переживала. Мне не предложили нагадить в углу, а всего лишь проследовать в отдельную уборную. Вернулась я в прекрасном расположении духа. И теперь мои разбитые ладони, колени, мучавшие меня голод и жажда не казались чем-то уж настолько существенным, без чего я не могла бы обойтись. Потому следовало бы изначально решить все насущные вопросы, купить себе время и безопасное существование, прежде чем в очередной раз вырваться из-под гнета власти, и начать жизнь заново. Не в первый раз, дай Дзуликий, и не в последний. Так что когда я села перед старшим Ариен, чувствовала себя не в пример увереннее, чем прежде. Придется потерпеть, а это я могу.

Все это время Рэйнхард наблюдал за мной, будто бы позволяя прийти в себя, а заодно и открыться перед ним. Но тут он не угадал, это вообще не про меня.

– Мой брат, – начал он, – сказал, что вы спасли его. Это так?

– Разве не ясно, раз он жив и здоров, ersento (поганец), – добавила я на мертвом языке своей родины.

– Да, это так. Но еще он сказал, что вы первородный... – вновь замолчал Рэйнхард, будто выжидая, что я на это ему скажу, когда у него такой аргумент.

Я тоже молчала. Ибо жизнь нищего человеческого деда – это всего лишь сор у ног аланита. Жизнь первородного – звезда на темном небе для любого из живых. И тем не менее я не собираюсь разживаться манерами и подлизываться ни к одному из них. Да, я люблю жизнь. Мне нравится жить. И я хочу жить. Но и смерть приходит рано или поздно ко всем. Мою, конечно, надо бы еще поискать. А жить прогнувшись – какой в этом смысл?

– ...Так ли это? – должно быть, решив, что я туповат, все же спросил он. А по его на мгновение прикрытым векам я поняла, что он примерно такого же мнения о словах братца, как я о самом братце.

– Я, как мои братья и сестры, родился в землях благословенной Эйлирии. Уж не знаю, помнят ли до сих пор те времена. Но когда-то это был плодородный вечнозеленый край, богатейшее из королевств. С нашим рождением Эйлирия перестала существовать. Так распорядился Дзуликий, что сила нашей земли перешла к нам, в то время как моя родина превратилась в пустыню, которую имперцы называют Элио. Любой дар моего Бога – это и благословение, и проклятие, смотря для кого и когда. Таков мой Бог, таков его дар, об этом стоит помнить...

– То есть вы утверждаете, что слова моего брата – правда?

– Это все, что ты услышал?

– Это первое, чему я хочу услышать подтверждение, – жестко сказал Рэйнхард, а я усмехнулась. Мозг есть – жить будет.

– Если тебе надо все повторять по два раза, то учти сразу, терпения и вежливости у меня хватает лишь на один. Да, это правда, ты понял или еще повторить?

– Провоцируете меня?

– Я в следующий раз табличку подниму, чтоб понятно было, с каким посылом я говорю

те или иные вещи, – против воли заворчала я. На самом деле свой прелестный характер я собиралась вручить ему бесплатным приложением, от которого не отказываются, но вышло немного иначе... Опять не дотерпела.

– Что ж, мой брат был прав и насчет вашего характера.

– Сразу предупреждаю, либо принимай его и не жалуйся, либо закончим все прямо сейчас. Я не меняюсь ни рядом с императором, ни с детьми, ни с девами юных лет. Я тот, кто я есть, и слишком стар, чтобы говорить то, что призвано услаждать чей бы то ни было слух.

– Если то, что вы первородный, правда, то я могу с этим смириться, конечно...

О, вот оно! Ну наконец-то.

– ...Если и вы будете полезны...

– Кому конкретно полезен, могу я узнать?

– Империи, – тут же ответил он.

– Надо же, – усмехнулась я. Вот уж не думала, что мною захотят делиться. – Даже так, – я позволила себе откинуться на спинку кресла, предвкушая длинный разговор и торг. То, что торг будет, я была уверена. Насильно из целителя много не выжать, мы слабеем, когда находимся в жестокости и боли постоянно. Это общеизвестный факт. Потому с первородными лучше договариваться, если хочешь выжать их до последнего.

– Я ожидал, что будет яростный спор и мне придется вас заставить, – признался собеседник, видя мою реакцию.

– Ты заставляешь, но я не спорю, потому как хоть и стар, но маразм еще только на пути ко мне. Если думаешь, что раз я в годах, то, стало быть, слаб умом, то не стоит мечтать понапрасну.

– Что вы хотите?

– Зависит от того, что буду должен.

– Что ж, – задумчиво протянул мой собеседник, – думаю, это справедливо. Мне нужен целитель, который, обладая огромным опытом, сумеет передать свои знания тем, кто только готовится встать на этот путь. Целитель, который будет не только просиживать днями и ночами в аудиториях академии, но и практиковать. Думаю, именно таким образом вы, Соль, будете полезны моей стране...

– О как, – хмыкнула я. Должна сказать, запросы у старшего Ариен были, что называется, впечатляющими. – Это все?

– Как вам сказать. Прежде чем позволить вам работать на империю, я должен убедиться, что вы не шарлатан, так что, – встал он со своего кресла, подошел ко мне и легким движением руки скинул самую ненавистную вещь для любого первородного. Петлю, которая блокировала все наши силы и ощущения, делая нас совершенно обычными людьми, и к которой ни один из нас не мог прикоснуться.

Ощущения в тот же миг накрыли меня с головой, заставляя болезненно поморщиться. И дело было не в том, что все мои ссадины тут же начало нещадно щипать из-за ускоренной регенерации. На меня так ощутимо дыхнуло тленом, болью и застарелой болезнью, что мне с трудом удалось сглотнуть горечь во рту и удержаться от рвотного позыва. Рэйнхард смотрел прямо мне в глаза и, думаю, заметил мою реакцию на себя.

– Что скажете? – тем временем невозмутимо поинтересовался он.

– Надеюсь, сынок, ты не под кайфом, иначе у меня нет уверенности, что все наши договоренности будут иметь силу.

– Откуда такой вопрос?

– Иначе ума не приложу, как ты все это можешь терпеть, – просто сказала я.

Боль, которую должен испытывать этот человек, была из разряда невыносимой. Не понимаю, как он может сидеть, стоять, говорить, а не орать во всю силу легких от того, что с ним происходит.

– Что ж, я понял все, что мне нужно. То, что я хочу взамен, – это жалование согласно занимаемым мной должностям, свой личный дом подальше от людей и личного ассистента...

– Ассистента?

– Да, он висит внизу, аккуратно напротив того места, где недавно болтался я. Беру его, так что можете за ним кого-нибудь послать. Далее, перерабатывать я не собираюсь, так что планируйте график не более десяти часов в день, дежурства по ночам буду брать не чаще двух раз в неделю, и еще мне нужен один выходной и подъемные. А, да: ассистенту жалование тоже вы платить будете, у меня денег нет. Еще мне лошадь и женщину...

– Женщину? – изумленно воскликнул он.

Я лишь обреченно закатила глаза. Мужчины всегда такие мужчины...

– Чтоб приходила ко мне в обед, убирала и готовила до моего возвращения, в вещах не копошилась, разве что стирала то, что я буду специально для нее оставлять.

– Это все?

– Не совсем, толстож...х пациентов, то есть элитных пациентов, в отдельный день буду принимать, ясно? А теперь – меня покормить, помыть и начнем с тебя.

– Вы что, – усмехнулся он, – хотите сказать, что можете меня вылечить?

– Именно это я и сказал, – прямо взглянула я на старшего Ариен, который, судя по всему, несколько ошалел от моей напористости.

Но это он зря, я еще только начала.

– И еще кое-что: прошу отдельно запомнить, что мне нервы не трепать и не доставать по пустякам, я этого не люблю. Стиль в одежде я не меняю. Я сын Элио, так было, есть и будет. Так что в ваши имперские платья влезать не собираюсь. – Имперцы и впрямь в одежде отдавали предпочтение тогам и туникам. Разве что стоящий передо мной аланит не показывал обнаженных ног и под туникой носил черные широкие штаны, заправленные в сапоги. – Отдельно запомни, что в душу ко мне лезть не стоит, личные вопросы игнорируются вне зависимости от того, кто их задает. Если будешь соблюдать договор, то и я буду полезен для тебя. Так что? Договоримся?

– Что ж, – медленно проследовав до занимаемого им кресла, начал Рэйнхард. – Все вами перечисленное вполне приемлемо для меня, но, как вы и сказали, сперва я должен увидеть, чего стоят ваши умения, – осторожно сел он в кресло, и это было неудивительно, учитывая его состояние. – Пока вы и ваш ассистент разместитесь в доме семьи Ариен. У вас будет время до вечера, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок. Вечером же мы встретимся в моих покоях. Сэптим...

– Погоди-ка, который сейчас час, сначала скажи?

– Два часа ночи, – тут же ответил он. – Все?

– Теперь да. Сэптим! – позвала я.

– Проводи гостя, – закончил за меня мужчина, никак не показав своего отношения к состоявшемуся разговору.

Как бы странно это ни прозвучало, но я была довольна тем, как заканчивается этот день. В нем не нашлось места насилию над моей замечательной личностью. Конечно, то, что мне

как следует дали по голове, надели петлю Двубликого, приковали цепями к стене, чуть не дали умереть от разрыва мочевого пузыря, повалили по каменному полу, было малопривлекательно, но не сказать, чтобы настолько ужасно, чтобы я долго об этом переживала. Конечно, я не была в восторге и от предстоящих перспектив относительно работы на благо империи. И вовсе уж не собиралась задерживаться тут. Должно быть, если бы на меня взглянул кто-то со стороны, то сказал бы, что я избалованная себялюбивая гадина, раз не желаю делиться тем, чем так щедро наградил меня Двубликий. Возможно, так оно и есть. Хотя лично для меня все выглядит в несколько ином свете. За прожитые годы, как мне кажется, я отдала достаточно за непрошенный Дар и давно уже никому и ничего не должна. Все, чего я так давно жажду, – это покой. Мой Бог коварен, он многолик, и дары его никогда не бывают однозначны. Это понимаешь с годами, но понимаешь...

Вот такие меланхоличные мысли роились у меня в голове, в то время как я устало плелась за пожилым человеческим мужчиной. Молчал он, молчала я, и ни один из нас не чувствовал себя вправе нарушать уединение друг друга... ну ладно, просто нам не о чем было говорить. Я устала и все, чего хотела, – это есть, спать и мыться. Но, как бы ни мечталось все сделать именно в такой последовательности, придется начать с последнего.

Бесконечные коридоры сменялись подъемами и вновь перетекали в коридоры, и как-то так незаметно мы оказались на открытой галерее, ведущей в жилую часть этого родового гнезда, которое было отделено от городской суеты внушительной каменной стеной, парками, садами и даже крошечной речушкой. Ночной теплый ветер, пропитанный ароматами жаркого летнего дня, ночных южных цветов и трав, нес толику морской прохлады и умиротворения. Я с удовольствием прикрыла глаза, подставив лицо под искусные ласки ветра, с тоской и нежностью вспоминая время, когда такие ночи были только нашими. Когда мы, тогда еще совсем юные первородные целители, вступали на жизненный путь предназначения и долга. Тогда все казалось другим: проще, интереснее и непременно с прекрасным светлым будущим впереди.

– Вы идете? – вывел меня из не к месту начавшейся меланхолии мой сопровождающий. – Ваша комната наверняка уже готова.

– Радостно слышать, – буркнула я. – И не вздумайте мне ассистента под бочок подсунуть. Он не для таких дел мне надобен, так что выделите ему отдельную комнату и довольствие.

– Само собой, – несколько смутившись, кивнул Сэптим.

Прежде чем ступить с открытой галереи в жилую часть дома, я в последний раз бросила взгляд на бескрайнее черное покрывало ночного неба и тяжело вздохнула. Последняя свободная ночь, пока клеймо не легло на мое запястье, накрывая меня вместе с мнимым покровительством Дома Ариен, особой меткой, которая всегда скажет этому Дому, где я и как далеко от него. Обычная практика для особо важных «гостей». Сколько меток перебивало на моем теле, так и не вспомнишь. Одной больше, одной меньше. Они думают, что их плюшки на моей коже способны привязать меня к этому месту. Ну, пусть думают, мне не жалко.

Комната оказалась на удивление просторной и вовсе не напоминала собой кладовку для швабр. В ней были и окно, и кровать, и даже маленькая ванная с нужником. Что еще нужно для счастья старому деду после столь бурного дня? Правильно, уединение.

– Стелла и Арма помогут вам, – начал было Сэптим, когда в углу комнаты обнаружили две смуглые девушки с туго собранными в пучки темными волосами.

– С чем это?

– Эм, ну совершить омовение...

– Не многовато ли рук для такого нехитрого занятия? – вопросительно изогнув бровь, взглянула я исподлобья на провожатого. – Забирай-ка своих девок, Сэптим, и ступай совершай с ними сам хоть омовение, хоть еще что более интересное. Мне ваши рожи уже до того опостытели за этот день, что не знаю, как усну теперь! Так что взялись за руки и шуруйте отсюда, пока я вам не наподдал для скорости, я понятно объясняю? Эй, ты, кучерявая, – поспешила я остановить одну из девушек, которая в спешке почему-то схватилась за поднос с едой. – Посуду оставь, есть я буду. И вещи мои заберешь чуть позже у двери – постираешь, а завтра принеси и там же положи. Всё, теперь мыться буду, – ворчливо добавила я, надеясь, что эта моя фраза даст им понять, что пора бы уже оставить меня в покое.

– Но господин Рэйнхард дал четкие инструкции, – попытался было настоять на своем Сэптим. На что я, уже не выдержав всех перипетий этого дня, просто сказала:

– Пошел он в зад...у вместе со своими инструкциями.

Резко развернулась и, уже слыша, как они направляются к двери, сама проследовала в дальнюю комнату, которая и должна была быть моей личной купальней.

Когда я начала раздеваться, то ощущения были такими, что я смогу поставить свою куртку на пол – и она не упадет, настолько пропыленной и грязной я себя ощущала. Но обошлось. Одежда упала ворохом тряпья, а я взглянула на себя в небольшое зеркало, что висело на стене. Внешность каждого первородного была особенной, если сравнивать нас с общепринятыми нормами. Мой лучший друг Там-Там был похож на «нечто». Вспоминая его, я до сих пор не могла сдержать улыбки. Огненно-рыжие волосы, смуглая кожа, почти коричневая, и ярко-зеленые глаза. Он выглядел забавно, мягко говоря, учитывая его рост под два метра. Айрин же могла похвастаться столь ценимой в империи белоснежной кожей, совершенно белыми волосами, черными будто ночь глазами и такими же бровями. Каждый из нас был немного странным, не таким, как все. С чем это было связано? Лично мне доподлинно неизвестно, но в свое время люди любили рассказывать сказки, будто бы жрецы Дзуликого несут в себе не только частичку его силы, но и многогранность внешности божества. Короче, кто его знает, почему у моих совершенно обычных блондинистых родителей родилась смуглокожая дочь с совершенно черными волосами и яркими аквамаринными глазами. Не подумайте, я не выпендриваюсь, называя банальный голубой «аквамарином». Подозреваю, мой папочка проел плешь мамочке, откуда взялось такое дивное создание в их семье, и перебрал не одно имя знакомых или случайно встреченных мужчин за последние девять месяцев, что захаживали к ним в дом или просто слонялись неподалеку. Грыз себя и окружающих родители ровно до тех пор, пока на моем виске не распустилась алая лилия Дзуликого. Благо, цветет сия фигура под волосами, а виска касается лишь один из ее лепестков. Похожа она то ли на татуировку, то ли на родимое пятно, и у каждого из нас появлялась эта метка в самых неожиданных местах. Так что мне, можно сказать, повезло, что сию отметину можно было скрыть волосами. Бóльшую ее часть.

На самом деле я не боялась того, что кто-то узнает, что я женщина, больше меня волновало, что они запомнят мое лицо. Хотя и тут я особенно не переживала и цепляться за свое инкогнито до трясущихся поджилок не собиралась. Пусть все идет как идет, а там я о себе позабочусь. Но быть стариком мне все же нравилось. Старость давала мне свободу в общении, а это уже было много!

Как же сильно меня вымотало это семейство Ариен, если я совершенно не помнила, как уснула. Казалось, что кто-то просто погасил свет в моем сознании, а уже в следующий миг яркое солнце проникало сквозь копну темных волос, что так старательно отгораживали меня от окружающего мира.

Назойливое «бум-бум-бум» заставило болезненно сморщиться и оторвать голову от подушки.

– Господин целитель. – Ишь ты?! «Господин целитель» мне понравилось. – Если вы не выйдете, стражники сломают дверь, – данное замечание мне совсем не понравилось.

– Если они сломают дверь, то я сломаю их, – недовольно заметила я. И поскольку голосовые связки все еще были изменены, то прозвучало это довольно угрожающе. – Чё те надо, Сэптик?

– Я Сэптим, – терпеливо поправил он. – Мой господин желает видеть вас за завтраком. Позвольте проводить вас до столовой и откройте уже дверь! Где вы раздобыли замок?

Ну не дурак? Или он думает, что целитель – это только бинты изводить?

– Секрет, – зловредно отозвалась я, призывая его мозг к работе. – Иди подумай, а я пока вещи заберу. Кучерявая простирнула?

– Арма все сделала, и я могу подать вам ваш наряд и помочь облачиться.

– Иди бабуле Ариен помощи, а у меня пока все шевелится, чтоб собственные порты натянуть.

Тяжело оторвавшись от подушки, я прошла в ту самую маленькую комнатку, где находились мои личные удобства, и сняла магический замок с двери.

– Положи на кровать и жди за дверью, скоро выйду.

– Но господин велел проследить, – в последний раз попытался возмутиться слуга.

– Так передай ему, что у меня все как и у него, только зад более обвислый, – уже зло шикнула я из-за двери.

Ну что за люди!

– Я тебя слышу, – уже через несколько минут ответила я, заметив, что старый слуга так и не собирается давать мне пространство, чтобы переодеться. – И нечего пыхтеть, иди отсюда! Я не нанимался ходить перед всякими, светя голым задом!

– Но господин велел, – как-то жалостливо проблеял он.

– Да хоть сама Лурес! – рывкнула я, слыша торопливые шаги и хлопок, ознаменовавший то, что Сэптим наконец-то понял, что от него хотят.

Свое временное пристанище я покидала уже в полном облачении. Не могу сказать, что мне так уж нравилось ходить с головы до ног укутанной в тряпки, но ко всему привыкаешь. А со временем так и вовсе перестаешь придавать значение тому, что когда-то не нравилось. Я даже есть умела так, чтобы не открывать лицо, научившись подвязывать ткань особым образом.

– Смеею заметить, – сказал Сэптим, как только увидел меня в проходе, – что в столовой семьи Ариен никогда не было песчаных бурь.

– Какое тонкое замечание, друг мой, не передать, как я этому рад, – проворчала я.

– Я говорю это к тому, – невозмутимо продолжил он, – что прикрывать лицо нет особой нужды. Вы можете снять это, давайте я вам помогу, – потянулся он уже было к моему лицу,

как моя рука тут же сомкнулась на его запястье.

– Ты не смотри, что я маленький да худенький, так вдарю – звезды до самой ночи считать будешь! Еще раз меня решишь потрогать или одежду мою стянуть попробуешь, я тебе устрою хронический геморрой, понял?

– Но... – попытался Сэптим вырвать свою руку, но, поняв, что хватка у меня и впрямь что надо, оставил попытки. – Я понял, понял, господин.

– Вот и ладно, – отпустив его руку и посмотрев по сторонам, я уже спокойно поинтересовалась: – Куда идти? Показывай.

Дом, принадлежавший непосредственно членам семьи Ариен, был огромен, роскошен и безупречен, с какой бы точки зрения я на него ни посмотрела. Эта семья умела тратить деньги на свой собственный комфорт так, что роскошь не переходила грань, превращаясь в вульгарность, и все, на что бы ни упал мой взор, выглядело дорого... баснословно дорого и в то же время скромно. Как так выходило – я не знаю и, если честно, то и знать не хочу. Единственное, что мне удалось украсить за всю свою жизнь, – так это мое выпускное платье... чего уж там, на тот момент это было моим единственным платьем. И решив, что неплохо было бы приляпать к нему белый воротник в честь торжественного события, я приготовила все то же серое платье, но с торжественным слюнявчиком по вороту. Одним словом, больше я не экспериментировала, пытаюсь вызнать, не додал ли мне Дзуликий еще какого-нибудь таланта помимо основного. Так что, шествуя за своим провожатым, я с интересом разглядывала обстановку, по большей части с целью запомнить, что где находится.

Высокие стеклянные двери приоткрылись передо мной, и две молоденькие служанки в темно-синих тогах застыли в глубоком поклоне. Я решительно шагнула внутрь.

Они сидели за огромным овальным столом на стульях с высокими тонкими спинками, как если бы эти стулья были сделаны специально под их крылья, которые аланиты показывали лишь в определенных ситуациях. В обычной же жизни каждый из них был внешне похож на человека, но сходство это было весьма и весьма обманчивым. Они были иными. Это витало вокруг них, и даже если в тебе не было ни грамма магии, ты все равно бы почувствовал это отличие на каком-то зверином уровне. Уловил бы в четкости и выверенности движений, в манере вести себя так, будто именно они истинные хозяева этой жизни. Невольно залюбовался бы внешностью, которая показалась бы тебе необычной, правильной, притягательной. Так поет магия в их крови, отражаясь в реальности через внешность. Никогда нельзя поддаваться этой манящей песни крови, забывая, кто перед тобой.

Во главе стола, спиной к широкому окну, сидел мой вчерашний знакомый. Облаченный во все черное, казалось, он возвышается над членами своей семьи, подавляя каждого из них своей внутренней силой. И даже находясь в таком плачевном состоянии, он казался сильнее любого из них. По правую руку от Рэйнхарда сидели двое, мужчина и женщина, и судя по их месту за столом, это были родители либо же более старшие, но близкие родственники. Мужчина был очень похож на старшего сына семьи. Те же черные волосы, тот же суровый сосредоточенный взгляд. Но энергетика не столь мощная, и это чувствовалось. Женщина на фоне этих двух мужчин выглядела хрупкой и несколько ранимой. Ее утонченная красота была не броской, а скорее изысканной. Светлые, немного вьющиеся волосы убраны в высокую прическу и открывают взору длинную шею. Длинное платье из струящегося бледно-голубого шелка. Но вся эта внешняя ранимость была лишь иллюзией, потому как девица

была одной из сильнейших, кто сейчас находился в этой комнате. Чувствуют ли они ее так же, как могу это делать я? Слева от главы семьи располагались еще трое – двое мужчин и одна девушка. Одного из мужчин я уже знала – и будь моя воля, то подошла бы и врезала ему промеж глаз. Рядом с ним сидел совсем еще юный аланит, который едва перешагнул грань, что разделяет ребенка и уже юношу, и точно такая же юная девушка. Брат и сестра, и скорее всего двойняшки, что само по себе редкость для семей аланитов, были точной копией матери. Конечно, если я правильно определила родство.

Все честное семейство с интересом пялилось в мою сторону. Мой недавний пациент нервно подпрыгивал на заднице, силясь унять словесный поток бессмыслицы, что вот-вот грозил обрушиться на всех присутствующих.

– Это Соль, – просто сказал Рэйнхард, после посмотрел на меня и, сдержанно кивнув, обратился уже ко мне: – Присаживайтесь и разделите с нами хлеб.

– Благодарю, – скупно бросила я, отодвинув единственный свободный стул и заняв указанное место.

– Соль? – тонкий мелодичный голос преобразил мое имя, и я невольно вздрогнула. Как если бы меня позвал кто-то из прошлого. – Кто этот господин, Рэйн? – с улыбкой поинтересовалась женщина, которую я посчитала матерью одного конкретного идиота и, возможно, остальных троих. Не в том смысле, что она могла быть матерью лишь для одного, просто остальные свою склонность к идиотизму пока не проявили.

– Это человек, который спас Эрдана, – коротко пояснил Рэйн, не вникая в подробности.

– Это правда? – несколько возбужденно встрепенулась женщина, устремив на меня лихорадочный взор синих глаз.

– Что, не стоило? – пробурчала я, изогнув бровь.

– Ч-что? – немного растерялась она.

– Не обращай внимания, мам, – все же не удержав словесных нечистот, заговорил «Эрдан-поганый-уродец-неблагодарная-скотина». – Соль – довольно необычный человек. К нему нужно привыкнуть, но Рэйн прав, он спас меня, когда никто бы не смог!

– О Лурес, это правда?! – в очередной раз воскликнула женщина, а я подумала, что вот он – корень идиотизма этого дома.

– Да, – нарочито медленно, не теряя зрительного контакта, ответила я в надежде, что в четвертый раз она уже постесняется спросить.

– Вы даже не представляете, как много это значит для нашей семьи! Прошу вас быть не просто нашим гостем – станьте нашим другом! – воскликнула она.

Мое молчание на данное предложение было тут же растолковано как восторг, который попросту отнял у меня способность к связной речи.

– Когда мой Эрдан пропал, я столько слез пролила, молясь всем богам. Вы даже не представляете, как может страдать сердце матери!

«Куда уж мне», – мысленно скривилась я.

– О боги, вот опять, – схватилась она за белоснежную салфетку, что лежала рядом с ее тарелкой, и начала утирать невидимые слезы. Хотя, может, это только мне их не видно, все остальные как по команде сложили бровки домиком и скорчили умильные рожи. Все, кроме Рэйна. – Стоит мне только подумать, что я могла его потерять... Слава Лурес, вы встретились на его пути! Не иначе сама богиня откликнулась на мои молитвы и привела вас к нему в столь ужасный час его жизни, так ведь?

Будто хищная птица, она резко повернулась ко мне и уставилась так, что, скажи я ей, что

была б моя воля, то десятой дорогой обошла засранца, она тут же выдрала бы мне глаза.

– Теперь я знаю, кому обязан, – кивнула я. – Непременно вознесу молитву за подаренный шанс познакомиться со столь замечательной семьей. Мы есть будем или как? – все же задала я насущный вопрос, решив прервать стенания этой женщины.

– О, вы голодны?! Конечно-конечно, – встрепенулась тетка и подала знак прислуге.

Мне же стало интересно: в этой семье умеет еще кто-нибудь говорить, кроме нее и «Эрдана-неубиваемого-поганца»? Надолго моей выдержки не хватит, а насколько я знаю, не стоит хамить мамам, чьи дети могут на вполне легальных основаниях отлупить вас розгами.

Уже через несколько секунд после отданного распоряжения распахнулись двери и в столовую вошли сразу с десятков служанок и расставили перед собравшимися тарелки с едой, напитки, свежую выпечку и фрукты. Я уже очень давно не считаю себя гурманом. И поскольку от ядов в пище испытываю лишь изжогу и несварение, то ем, особо не задумываясь, то, что есть. Жизнь отшельника дает возможность не мудрить над пищей, да и для организма полезнее простая еда. Так что стоило тарелке оказаться передо мной, я мысленно плюнула на собравшихся и тут же занялась тем, ради чего, собственно, пришла. Ела я всегда быстро, так что уже совсем скоро в тарелке показалось дно, и я сыто откинулась на спинку стула, едва не рухнув на пол, совершенно забыв, для кого эти самые стулья сделаны.

– Вот зараза, – сдержанно выругалась я, возвращая себе равновесие.

И только в этот момент я поняла, что шесть пар глаз неотрывно следят за мной, будто бы выжидая чего-то.

– Все хорошо? – участливо спросила «мама». Этот Рэйнхард мог бы и представить своих родственничков, а так придется самой знакомиться.

– Вполне, госпожа... – кивнула я, мысленно соображая, чем теперь себя занять, пока эта трапеза не закончилась. Ведь, кроме меня, никто и не пытался поторопиться.

– Филиция, для вас, Соль, я просто Филиция. Это меньше, чем я могу отблагодарить...

Да ё..! Если б я только знала о щедрости вознаграждения, то на руках бы донесла ее сына до дома!

– Эрдана и Рэйнхарда вы уже знаете, мой муж и отец наших детей Димитрий. – На этих ее словах мужчина коротко кивнул, но так и не обронил ни слова. – Димитрий соблюдает обет, ему сейчас нельзя говорить, – скромно заметила Филиция, а я подумала, что вот она, ощутимая польза религии. – И наши младшие дети, Аргус и Джемма, они двойняшки...

– А правда, что вы первородный?! – раскрасневшись будто помидор, буквально выплюнул младший Ариен и впился в меня взглядом.

– Нет, – коротко возразила я, ухватившись за края вазы с фруктами и притянув ее к себе.

– Но как же... – разочарованно протянул пацан, устремив обиженный взгляд на старшего брата. – А Эрдан сказал, что вы первородный, потому как никому иному его спасти бы не удалось.

– Ну, ему-то, конечно, виднее с его медицинским образованием и опытом...

– Но у Эрдаана нет медицинского образования, – растерянно пробормотал Аргус. – У Эрдаана вообще нет образования...

– Вот именно, – серьезно кивнула я, выудив из кучи фруктов замечательного вида яблоко. Оно почему-то показалось самым аппетитным из всего, что было.

– Аргус имеет в виду, что я еще не защитил диплом, но уже этой зимой он у меня будет.

– Самоуверенно, – фыркнула я.

– А почему вы не снимаете повязку, когда едите? – теперь уже младшая Ариен решила отметить в разговоре.

– Зубы мои выпали с десятков лет назад, и когда я ем, то слюни у меня летят во все стороны, а это негигиенично, потому стараюсь не смущать окружающих, – я откровенно устала от этого завтрака, а глупые вопросы не добавляли мне хорошего настроения.

– Зачем же вам тогда яблоко? – наивно хлопнув огромными голубыми глазищами, поинтересовалась девочка.

– У меня в комнате терка есть, с собой возьму, – фыркнула я, сунув замечательный плод в карман.

Этот завтрак длился и длился. Лично мне казалось, что столько времени тратить на еду – просто верх глупости! Но славная чета продолжала трапезничать, без умолку болтая о всякой ерунде и задавая по большей части нелепые вопросы мне. Стиснув зубы, я отвечала и время от времени посматривала на молчаливо наблюдающего за мной старшего сына семьи. Казалось, что не только Димитрий соблюдал лишь богам ведомый обет, но и сам Рэйнхард. За все время завтрака он не проронил ни слова. Впрочем, и к нему самому никто не пытался обратиться, чтобы вовлечь его в разговор. Я же ему искренне завидовала.

Наконец глава семьи встал из-за стола, и это послужило сигналом для всех остальных. Словно солдаты хорошо вымуштрованного подразделения, они изящно отложили столовые приборы и усталились на старшего.

– Буду в девять, – коротко бросил он, направляясь к выходу. – Соль, проводите меня, – опять же, сказано это было не как приказ, а скорее как просьба. И в то же время у меня и мысли не возникло перечить.

Я поднялась и последовала за мужчиной, который и не думал дожидаться меня в дверях. Нагнав его уже в коридоре, я молчаливо следовала за ним.

– Я решил, что совместный завтрак поможет вам узнать мою семью, – заговорил он. – В принципе, это не имеет особого значения для вас, но все же я не планирую строить из себя рабовладельца.

– Иллюзия равноправия? – изогнув бровь, спросила я.

– Разве это плохой вариант сотрудничества?

– Не худший, – согласилась я.

– Как мы и договаривались, сегодня вечером я жду вас у себя.

– Прежде я хочу увидеть своего ассистента. Где он?

– Его должны были поселить на этаже для слуг. И несмотря на то что я знаю, что он всего лишь мелкая сошка в том деле, которое рассматривает тайная служба, но пока он находится в этом доме, к нему будет приставлена стража и я запрещаю ему покидать выделенную ему комнату.

– Справедливо, – кивнула я и, не видя более смысла следовать за этим мужчиной, решила попрощаться прямо сейчас. – Что ж, тогда до вечера.

– Обычно это я говорю, когда пришло время прощаться, – холодно заметил старший Ариен.

– Обычно я просто ухожу, – более не дожидаясь ответа, я повернулась спиной к своему пленителю и направилась в сторону служебных коридоров, по которым этой ночью вел меня его личный слуга.

– Я еще не закончил! – несколько раздраженно донеслось мне в спину.

– Остальное мне не интересно, – фыркнула я.

На самом деле я давно переросла тот возраст, когда наивно полагаешь, что глава тайной службы может что-либо сделать просто так. Зачем он посадил меня за стол со своими близкими? К чему этот спектакль? Признания в дружбе, благодарность? Ощущения у меня были весьма противоречивыми после этого. Как если бы меня решили разыграть... Я не верю, что люди, и тем более нелюди, наделенные властью, могут быть открыты, любезны и глупы. Это сочетание равно смерть в этом мире. Хорошо, Аргус и Джемма еще совсем юные создания. Им простительно, но такая женщина, что отхватила себе в мужья на тот момент наследника... Хотя стоп, какого наследника? Будь это так, Димитрий сидел бы во главе стола. Он еще достаточно молод, чтобы быть старшим в доме. А это значит...

– Чей ты сын, дорогуша? – прошептала я, замерев на лестнице, ведущей вниз.

Не то чтобы мне было это интересно, но это могло бы дать зацепку... Нет, пока ничего это не дает. Того, что я ощущаю, недостаточно. Только когда начну лечение, смогу сказать точно.

Досадливо врезав кулаком по стене, я зло уставилась себе под ноги и начала быстро спускаться вниз.

Только этого мне не хватало! Мне вообще наплевать, пусть хоть всем семейством на тот свет отправятся! Это не мое дело, что там у них происходит! Не мое!

Зачем он посадил меня за стол вместе со своей семьей? Неужели хотел, чтобы я подумала...

– Ублюдок, да плевать мне! – шипела я себе под нос. – Хрена с два я стану тебе в этом помогать! И ты, сволочь, знал: если меня это зацепит, то я пойду с пациентом до конца! Знал, гад, и все равно... У-у, гадина, такой же, как и твой братец! Все только для себя!

– Вы кого-то ищете? – Сэптим возник на лестнице неожиданно и едва не стал жертвой моего испуга, а в моем случае страх равно устранить угрозу немедленно.

– Ты чего пугаешь?! Хорошо, у меня посох забрали, считай, тебе повезло, – проворчала я, проходя мимо слуги Рэйнхарда. – Кстати, где моя палка? – зло прищурившись, глянула я на него.

– Я... не знаю, – растерянно пожал он плечами.

– Так ты узнай, – с напором добавила я. – Вот тебе-то хорошо, пока ноги волочешь, а мне знаешь как тяжело! Уж постарше тебя буду. Доживешь до моих годов, так поймешь. Все вы, пока молодые, думаете, что это раз и навсегда, а как за шестой десяток перевалит, так и успевай ловить подарки: то одно откажет, то другое заскрипит...

– Я... я узнаю, господин, не волнуйтесь так.

– То-то же, – покивала я. – Где мой ассистент?

– Э...

– Тощий, грязный, вонючий, – перечислила я основные приметы.

– А! Я провожу, – спохватился мужчина и тут же побежал вперед меня.

Надо сказать, шли мы недолго, и стоило спуститься по лестнице и попасть в крыло для слуг, как перед нами возникло двое стражников, стоящих напротив невзрачной двери. К моему удивлению, меня никто не спросил, разрешено ли мне войти. Должно быть, Рэйнхард дал особые указания на этот случай. Так что, не тратя времени даром, я вошла внутрь и тут же скривилась. Мало того, что они поселили пацана в кладовке, так еще никто не озаботился тем, чтобы дать ему хотя бы таз с водой и чистые порты.

– Сэптим, – позвала я, пока дверь за моей спиной не успела захлопнуться. – У тебя столько народу в распоряжении, так пусть кто-нибудь выделит моему ассистенту чистые

порты и рубаху, таз с водой и миску супа.

– Господин Рэйнхард не давал указаний на этот счет...

– А самому сообразить никак? – фыркнула я. – Мне чуть в штаны не залез, а парень без сознания лежит, как будто так и надо!

– Я...

– Иди отсюда, не доводи до греха! Тащи все, что велено, и не бубукай!

– Да, господин, – глубоко вздохнув, сказал слуга, едва сдерживая раздражение.

– Поскрипи-поскрипи мне зубами – последние выпадут – поверь на слово, – пробормотала я, хлопнув дверь перед его носом и тут же подойдя к небольшому топчану, на котором лежал мальчик.

Сейчас он казался еще младше. Лицо его было осунувшимся, лоб покрывал пот лихорадки. Немудрено, если учитывать тот факт, сколько времени ему пришлось провести в том сыром подвале без еды и воды.

Я провела рукой по его спутанным волосам, лицу и шее. В принципе, пока ничего серьезного, может и сам восстановиться при надлежащем уходе. Вот только ухаживать, похоже, никто не станет, а мне особо и не дадут. Да и не лучшая это идея – оставить его слабым в логове врага. На самом деле я не была поклонником того, чтобы лечить болезнь при помощи дара, когда ресурсы организма позволяют исцелиться самостоятельно при помощи правильной терапии. Но тут уж ничего иного не остается.

Мой дар... как я пользуюсь им? Как это работает? На самом деле это совсем не похоже на то, как работает простой целитель при помощи инструментов, лекарств, знаний: он ставит диагноз, назначает лечение, ведет пациента на протяжении всего периода выздоровления. Процесс этот высокоинтеллектуальный, не терпящий ошибок, напряженный и весьма трудоемкий. Я помню то, как впервые почувствовала себя первородной. На тот момент мне было около семи лет и в мою не слишком состоятельную... да чего уж там, нищую семью постучалось горе. Слегла мать. Не слишком знающий в этом вопросе отец пытался поить супругу какими-то корешками, травами, боги ведают, чем еще. Приводил домой дряхлых старушенций, у которых на фоне маразма открывались способности к ведовству и знахарству. Те что-то шептали, жгли свечи или пучки каких-то трав, окуривали ими наше жилище, потом бесновались во дворе, изображая исход болезни из дома. Затем говорили, что Лурес запрещает им брать с нас денег (еще бы, у нас их отродясь не водилось), но припадочного поросенка, которого то и дело била эпилепсия, они с удовольствием возьмут и сожрут за наше здоровье. Была и такая, что приметив, что я не похожа на своих родителей, предложила меня сжечь, поскольку чернява я не от природы и именно во мне – корень всех несчастий и болезней моей семьи. Хорошо, батюшка мой сообразил, что это маленько перебор, и отказался от такого способа возвращения благосостояния в семью. Когда же местные сумасшедшие закончились, он решил отправиться в город на поиски врача.

Все это время я ощущала, что происходящее – это неправильно! Меня раздражали эти женщины, которым казалось, что они наделены даром и силой. Мне безумно хотелось выгнать их за порог нашего дома, чтобы они не мешали мне быть рядом с мамой. Как только она заболела, я все время проводила у ее постели, и тогда мне казалось, что внутри меня есть теплое слепящее голубое «нечто». Оно будто живое, перетекает в тело моей матери, стоит мне прикоснуться к ней. В этот момент оно как будто превращалось в некий образ, пронизанный серебряными нитями. В каких-то местах эти нити истончались, где-то

обрывались и казались обугленными. И именно в такие моменты я будто бы уговаривала то «нечто», что жило у меня внутри, направиться к этим обугленным ниточкам, восстановить их, склеить. Зачастую на то, чтобы увидеть эти ниточки, у меня уходил целый день, и стоило мне уговорить свою силу восстановить их, как возвращался отец с очередной старой ведьмой и, несмотря на мои крики, выпроваживал меня на улицу.

И вот наконец, когда он отправился в город, я поняла одну простую вещь: если не сделать задуманного сейчас, то завтра может и не наступить. Я до сих пор слышу, как скрипит половица под моими босыми ногами, чувствую, как зябко подрагивают мои плечи под легкой сорочкой. Вижу восковый профиль мамы в свете луны. Помню ее запах, когда прижималась к ней всем телом и представляла, представляла... как восстанавливаются эти обугленные нити, как срастаются они, заполняясь этим самым «нечто», что жило внутри меня. Это было похоже на сон или на одержимость, уж и не знаю. Но уже на следующее утро моя мама пришла в себя, а вот я проспала три дня. Просто пролежала, как если бы умерла, не чувствуя и не слыша ничего и никого вокруг. То были три последних дня, что я провела в кругу семьи. Три последних дня, которые подарили мне возможность вернуть долг жизни той, что мне ее подарила. А потом вернулся отец... не один. Пока я еще была маленькой, я думала, что целитель согласился прийти к нам в дом за те пол-асса, что были у отца. Немного позже я уже точно знала, что он искал детей, таких как я, и путь его пролегал именно через нашу деревню.

Следующие двадцать лет я провела за стенами Эйлирской медицинской академии, чередуя лекции, что давали в Академии Магии Эйлирии. Детство мое закончилось стремительно, так и не успев толком начаться. Первая моя попытка осознанного лечения едва не закончилась моей смертью. Как выяснилось позже, дару Дзуликого невозможно противиться, но и нещадно эксплуатировать его тоже не лучший вариант. Потому я рада, что все сложилось так, как сложилось, и уж тем более не жалею о том времени, что ушло на мое обучение. Как ни крути, но то были самые счастливые годы моей жизни.

Интересно, если бы король Эйлирии знал тогда, чем закончится для его королевства становление сорока семи жрецов Дзуликого, не обезглавил бы он нас вместо того, чтобы возвращать будто редкие хрупкие цветы?

Как бы там ни было, прошлое осталось в прошлом, а то, что было важно сейчас, лежало у моих ног, дрожа будто осиновый лист на ветру. Я опустилась на колени рядом с мальчиком, сняла перчатки и осторожно обхватила его голову ладонями. Больше мне не нужно было часами сосредотачиваться на том, чтобы увидеть, что не так с человеком, которого мне необходимо вылечить. Умения, столь долго возвращаемые и оттачиваемые, давали полную картину происходящего. Какую-то простую хворь я могла преодолеть всего за один раз, как например ту, что одолевала сейчас моего будущего ассистента. Иные болезни напоминали собой поле сражения, когда день за днем приходилось отвоевывать пострадавшие участки чужого тела. Это может прозвучать дико, но порой для того, чтобы лучше понять, что с человеком, мне нужно было пробовать его кровь. Дзуликий изрядно пошутил, создавая мне подобных, потому как то, что у него вышло, оказалось, мягко говоря, странным, как внешне, так и внутренне. Но как бы там ни было, прежде всего я целитель, а потом уже первородный. Так нас учили и воспитывали. Быть независимыми от дара, полноценными профессионалами своего дела. Знания – вот то, что делает из простого человека того, на кого можно положиться в сложной ситуации.

Стоило моим ладоням соприкоснуться с его обнаженной кожей, как перед мысленным

взором вспыхнула картинка-образ. Я видела каждый энергетический поток, сплетающийся образ тела подростка, ощущала каждый орган, чувствовала, что и как функционирует. Так открывалась первая ступень дара – диагностика. Уже через несколько секунд я знала, куда следует направить свою силу, как сделать его тело вновь здоровым. От кончиков моих пальцев потянулись сотни тончайших, мерцающих нежно-голубым нитей, они, будто корни растения, пронизывали тело ребенка, проникая внутрь, устремляя потоки энергии к пострадавшим системам организма, питая их, выправляя и приводя в норму. Каждый раз, когда я это делаю, я пытаюсь понять, как такое возможно, но даже спустя столько лет не знаю ответа. Но зато вижу процесс и чувствую себя проводником воли Двубликого, чтобы уже в следующий миг увидеть результат.

Вдруг дверь в каморку открылась, и на пороге возник Сэптим с подносом в руках. Мужчина пораженно замер, смотря на меня во все глаза. Хорошо, что мне уже далеко не восемнадцать, иначе я просто потеряла бы концентрацию и все было бы напрасно. А так меня даже забавляло, когда неподготовленный зритель видел нечто подобное. Ведь мои глаза в момент лечения сияют, будто две сапфировые звезды, да еще и исходит сияние от рук – одним словом, выгляжу я божественно... в прямом смысле слова.

– Чё замер, дует же! – возмущенно проворчала я.

– Э... – проблеял Сэптим, так и не рискнув моргнуть, а вместе с тем и двинуться с места.

– Бэ, – передразнила я, – дверь закрой.

– Д-да, г-господин, с-сейчас.

Протиснувшись в проем двери, он дрожащими руками опустил на пол поднос с миской супа и ломтем хлеба, попутно нещадно расплескав содержимое.

– Ну что ты в самом деле, окосел, что ли? – покачала я головой. – Поесть пацану оставь хоть немножко.

– П-простите, г-г-г...

– Г-г-г прощает, тащи одежду и воду, – покивала я. – И сандалии хоть какие-нибудь ему раздобудь... не сейчас, так потом, понял?

Вместо ответа мужчина лишь резко кивнул и был таков.

Я же лишь покачала головой ему вслед. Ничего, он меня еще полюбит и даже будет скучать. Может, в это полнолуние я ему суставы подправлю, так и вовсе любовь у нас будет не разлей водой... или что там не разлей?

– Что со мной, – слабый голос ассистента заставил меня опустить глаза и посмотреть на парня уже нормальным взглядом. Лечение окончено. Сейчас я практически не чувствовала никакой усталости от проделанной работы. С возрастом не только появлялся опыт, но и мой личный резерв становился больше.

– Уже все хорошо, – просто сказала я, совершенно иначе смотря на этого мальчика, после того как прочувствовала его.

– Я умер? – как-то печально выдохнул он.

– С чего бы? – хмыкнула я.

– Но... тебя-то, дед, палач увел, – как-то уныло вздохнул он.

На это его замечание я весело усмехнулась, проведя рукой по спутанным медным кудрям.

На самом деле вы должны были заметить, что люди мне не очень нравятся. Мне гораздо комфортнее одной. Но этот парень... было в нем что-то притягательное для меня. Помимо

того, что он был знатоком местности (и впоследствии я собиралась воспользоваться его знаниями), я видела в нем нечто знакомое. Черты его лица, манера говорить – все это навевало воспоминания о годах моей молодости; моих друзьях, которых больше нет со мной. Что такого было в нем? Не знаю и понять пока не могу, но это цепляло. Совершенно странным, непостижимым образом мне хотелось видеть в нем родственную душу. Я пока не могла понять, что все это значит, но что-то необычное и давно забытое было во всем этом.

– Ну увел, делов-то, – покачала я головой. – Он тут по совместительству секретарем подрабатывает, препроводил меня к начальству и все, – отмахнулась я. – Ты сам-то как? Есть хочешь?

– Очень, но...

– Потом поговорим, сначала поешь... Хотя нет, поговорим после того, как ты перестанешь так нещадно смердеть, – серьезно кивнула я.

– Эй, – возмутился он, попытавшись присесть, но все, что у него вышло, – это перевернуться на бок и подвинуть к себе поднос.

А дальше он, кажется, забыл и обо мне, и о своих вопросах, полностью погрузившись в процесс поглощения пищи. Причем он и впрямь погрузился в миску чуть ли не с ушами. За время, пока он ел, пришел Сэптим с тазом воды и комплектом простой одежды, чем-то напоминающей мою. Сейчас на пареньке была простая темно-синяя туника, изодранная со всех сторон и лишь чудом державшаяся на его острых тощих плечах. Сэптим же раздобыл для парня одежду детей песков. То была куртка с запахом и длинные широкие штаны. С кого сняли сей костюм, спрашивать я не стала, а потому просто приняла то, что давали. К одежде шли еще плетеные сандалии, которые надевались поверх тканевых «носок», которые защищали ноги от песка и пыли.

– Я помню, – наконец заговорил парень, вынырнув из своей тарелки, – мне было так худо, что думал – вот-вот на суд Литы отправлюсь, но сейчас я чувствую себя очень хорошо. Мной кто-то занимался?

– Да, – кивнула я.

– Кто?

– Я.

– Зачем? – подозрительно сощурился пацан, понизив голос до шепота.

Усмехнувшись, я все же сказала достаточно серьезно:

– Потому что ты мой ассистент.

– А-си-се... чего?!

– Помощник, – пояснила я.

– Но с чего бы меня выпустили из пыточных, чтобы я стал помощником какому-то деду?

– А тебе не все равно, раз это спасло тебе жизнь? – поинтересовалась я.

– Все равно! – тут же горячо согласился парень. – Но хотелось бы подробностей!

– Резонно, – кивнула я. – А мне бы для начала хотелось перестать дышать через раз, так что я выйду, а ты приведи себя в порядок.

– Да не воняет от меня! – возмутился пацан.

– Не воняет, – кивнула я, – смердит.

– То есть вы хотите, чтобы я поверил, будто бы вы герой сказки? – скептически изогнув бровь, но все же перейдя на «вы», поинтересовался парень, после того как я представилась по всей форме.

– Нет, балбес, я хочу, чтобы ты работал вместе со мной и при этом, прошу заметить, не просто избежал от участи висельника, но и получал деньги за свой труд, – немного раздраженно пробормотала я.

– Вы даже не знаете меня! Может, все то, что я наговорил вам в подвале, было неправдой?

– А может, мне и не очень-то хочется тебя узнавать, но надо, чтобы кто-то делал то, что мне делать лень?

– То есть вам все равно, совершал я то, в чем меня обвиняли, или нет? – прищурился парень.

– Да мне, собственно, плевать, мне империя процент не отстегивает с того, что получают станции перехода.

– Но я могу быть преступником, вас это совсем не волнует.

– Пф, – раздраженно выдохнула я. – А чего мне переживать? Сопреешь у меня имперские деньги? Так мне еще дадут. Воткнешь мне ножик в спину? Так это вообще не считается, все зарастет раньше, чем я замечу. И, – наставительно ткнула в него пальцем, – не вздумай проверять, иначе сделаю так, что в имперский гарем завсегда на работу сможешь устроиться, сечешь? Ну, что там еще? Снасильничать попробуешь? Так это, я надеюсь, и вовсе не про тебя в моем случае, но если что, то все же может стать проблемой...

– Эй! Вы чего? – возмущенно вспыхнул паренек.

– Сам сказал, что я тебя совсем не знаю, – пожала я плечами.

– Да вы ваще, что ль!

– Ва-а-аще... Хорошее определение. Ну так что, согласен?

– Я хочу знать, что вы будете с меня требовать? – деловито поинтересовался парень.

– М... делать то, что я не хочу, – развела я в стороны руки.

– Например?

– Ну, будешь носить мою сумку, говорить «Здравствуйте», «Спасибо», «До свидания», «Пожалуйста» и «Господин целитель сожалеет, но сегодня принять вас не сможет», – перечисляла я, загибая пальцы.

– Вы это серьезно?

– Вполне. А! Извиняться за меня тоже ты будешь, потому что я этого делать не люблю, а люди расстраиваются и ходят за мной, пока я не скажу... Ну?

– Бить будете?

– Как пойдет, но не сильно! – поспешила добавить я. Все же человек на работу устраивается, надо заранее предупреждать об издержках.

На мгновение парень устремил взгляд в пол, что-то для себя решая, после чего вновь посмотрел на меня.

– Вы правда первородный? – тихо спросил он.

– Да, – кивнула я, когда на эти мои слова парень хитро улыбнулся, изрек:

– Тогда вы не сможете меня ударить! Я согласен, – и протянул мне руку для того, чтобы скрепить договор.

– Тебе не говорили, что сказки врут? – усмехнулась я, со всей крепостью пожимая его руку. – Соль.

– Слуга не приносил, – растерянно отозвался пацан.

– Я – Соль, придурок, – раздраженно пробурчала я.

– А, – вновь усмехнулся он, и на его щеках появились две озорные ямочки. – Я – Кит.

– Пишется так же, как и «кит»? – растерянно пробормотала я.

Парень лишь залиvisto расхохотался и кое-как кивнул.

– Еще не легче... Приду завтра, – махнула я на него рукой. – У меня дела, а завтра начнем обустриваться. Вот, – достала я из кармана случайно прихваченное яблоко, – это тебе, чтобы больше не болел, – неуклюже сунула я ему свой гостинец и была такова.

До самого вечера у меня было столько дел, что не сосчитать. Ведь я так и не досчитала, сколько листочков на дереве, что росло за моим окном. Утомилась невероятно. Потом стало темно, и я решила не портить зрение. Меня препроводили в свои покои сразу после встречи с Китом. А перед тем как уйти, Сэптим дрожащим шепотом поинтересовался, может ли господин целитель дать консультацию его работникам, которые безумно жаждут меня увидеть и задать свои вопросы. Я любезно согласилась – после того, как сделаю свои дела. Ну, видно, не судьба, дел оказалось очень много.

Теперь оставалось ждать приезда рабовладельца, разобраться с его болячкой, а заодно и с моим переездом. Жить здесь дальше мне совсем не хотелось. Кормить особо не кормят, норовят за здорово живешь эксплуатировать, поговорить за жизнь или стянуть одежду. Слишком много желающих влезть в мое личное пространство.

Тихий стук в дверь вывел меня из состояния каталепсии, заставив вздрогнуть и пойти открыть дверь. На пороге стоял молодой стражник, а вовсе не Сэптим, как я ожидала. Мужчина посмотрел на меня холодным, ничего не выражающим взглядом, а после спросил:

– Колюще-режущие предметы есть?

– Да, – серьезно кивнула я.

– Оставьте тут и следуйте за мной, – также невыразительно порекомендовал он.

– Тогда мне придется вырвать себе глаза и язык, – фыркнула я. – Куда идем? – не дожидаясь ответа, поинтересовалась.

– Господин Рэйнхард прислал меня за вами, но я не могу пустить вас к нему без досмотра.

– Досматривай, – спокойно кивнула я.

На самом деле я надеялась, что у личной охраны такого аланита, как Рэйнхард Эль Ариен, все должно быть по последнему слову магии, и не ошиблась, когда мужчина вынул из кармана тоненькую серебристую палочку и начал водить ею вокруг меня, выискивая те самые сокрытые кинжалы-ножики. Минимальный досмотр – это, можно сказать, знак хорошего тона.

– Идемте, – закончив, сказал он, повернулся ко мне спиной и последовал по коридору. Свернул на лестницу, и далее мы уже шли только вверх и еще раз вверх. Рэйнхард Эль Ариен занимал весь верхний этаж своего немаленького дома и делиться своими удобствами главы рода ни с кем не собирался. Ну, разве что с немногочисленными воинами, встречаемыми нами по пути. И что-то мне подсказывало – это было скорее демонстрацией специально для меня, чем обычным делом. Каждый из встреченных мною стражников будто бы испытывал солидарность к своему главному, поскольку был одет во все черное и точно так же, как и глава тайной службы, носил длинные брюки и высокие сапоги.

Думаю, нет смысла говорить о том, насколько роскошным все было и на этом этаже. Единственное отличие заключалось в том, что здесь было гораздо больше пространства, не заставленного мебелью, несущей в себе лишь декоративную функцию. Все исключительно для того, чтобы этим пользовались.

– Я буду за дверью, – коротко обронил аланит с определенным смыслом, когда мы остановились у высоких дверей.

– Мне все равно, – точно так же отозвалась я и вошла в комнату.

Место, куда меня привел личный охранник главы тайной службы Алании, оказалось спальней. Большой... нет, очень большой спальней. В дальнем углу комнаты находилась внушительных размеров кровать, у огромного, во всю стену, окна стоял письменный стол, за которым и сидел сейчас тот, к кому я пришла. В комнате царил полумрак, развеваемый лишь пламенем свечи. Что было скорее прихотью владельца, нежели необходимостью. У семьи Ариен было достаточно средств, чтобы иметь в доме магическое освещение.

Сейчас Рэйнхард был похож на статую, которая неподвижно замерла, устремив свой взор к темному звездному небу.

– Включай свет, я не сова, чтобы осматривать тебя впотьмах, – буркнула я, подходя к нему ближе.

– Глаза болят, – тихо отозвался он.

– Знаю.

– Разве вам нужно меня осматривать, чтобы понять, что со мной? – так и не обернувшись, тихо поинтересовался он.

– Я тебе больше скажу: я тебя даже попробую.

На это мое замечание он негромко усмехнулся и все же соизволил обернуться ко мне, несильно хлопнув в ладоши для того, чтобы комнату затопило мягкое сияние магических светильников.

– Достаточно?

– Вполне, – кивнула я. – Раздевайся, и начнем.

Похоже, предложение раздеться ему не понравилось, судя по тому, как поджались его губы.

– Это необходимо?

– Нет, конечно, просто люблю чужие задницы разглядывать, – фыркнула я. – Раздевайся! Что бы там ни было, ты вряд ли сумеешь меня удивить, мальчик, – намеренно назвав его «мальчиком», я хотела показать, сколько лет нас разделяет. Обычно подобное срывает на особо застенчивых, заставляя их подсознательно относиться к немощному старикашке как к предмету интерьера.

– Дело не в этом, – вновь усмехнувшись, сказал он. – Процесс весьма... болезненный, скажем так.

– Помочь? – изогнув бровь, поинтересовалась я.

Он лишь кивнул, прикрыв глаза. И столько было в этом жесте одной определенной эмоции, что она почему-то очень сильно задела в этот миг меня. Желание скрыть собственную беспомощность. Желание провалиться под землю от собственной несостоятельности, бессильной злости на себя самого. Рэйнхард достал из верхнего ящика стола ножницы и положил их на стол.

– Так будет проще всего.

– Болезнь одинаково уродлива как у молодых и сильных, так и у старых и слабых, – почему-то мне захотелось сказать ему это, когда подошла к нему и взяла в руки ножницы. – И это всегда и для всех так.

Он оказался гораздо выше меня, потому мне было не слишком удобно, когда я срезала одежду на его плечах. И приходилось стоять достаточно близко к нему и в то же время быть гораздо осторожнее обычного. На задворках сознания промелькнула мысль, что я люблю, когда мужчина выше меня, когда у него широкие плечи... а еще у него красивые губы.

– Ох, твою ж мать, – прошипела я, отшатнувшись в сторону.

– Что? – проницательно посмотрел он на меня.

– Руку свело, сядь на стульчик, высоковат ты немножко, – пробормотала я и на этот раз сосредоточилась на процессе срезания одежды, совершенно выкинув из головы, с кого именно ее срезаю.

По ощущениям, что приходили ко мне от Рэйнхарда, я примерно представляла то, что увижу. Однако все равно не ожидала, что все будет настолько плохо! Его темная кофта из мягкой ткани имела второй слой из особой, некогда белоснежной ткани, судя по всему, пропитанной какой-то мазью, так на вид мною не определимой, а вот то, что скрывала под собой материя, заставляло невольно содрогнуться. Его некогда ровная кожа была покрыта бесчисленным множеством открытых язв, не только совершенно отвратительных на вид, но и источающих особый запах гниющей плоти. Будь на его месте простой человек, он давным-давно был бы мертв. Но сущность аланита, его сила и магия, живущая в его теле, не давала этому случиться, и все, что оставалось этому мужчине, – так это гнить заживо и терпеть такой силы мучения, каких не пожелаешь и врагу.

Тем временем я молчаливо опустила на колени, срезая с него брюки и снимая сапоги. Внизу дело обстояло не лучше. Сняв перчатки, взяла отрез подкладки: необходимо было понять, чем ее пропитывали. Как и ожидалось, смесью из наркотических трав.

– И как, помогает? – изогнув бровь, посмотрела вверх на мужчину, что все это время следил за мной.

– С этим я могу терпеть, – просто ответил он.

– Ясно, руку дай мне.

Его лицо, кисти рук и стопы пока были менее всего пострадавшими частями тела. Но сейчас меня интересовало нечто другое.

– Мне нужна твоя кровь, ясно? Совсем немного... – Вот именно в такие моменты мне всегда хочется выйти на свежий воздух. Даже словами не передать, как мне отвратительна подобная процедура, но и от нее никуда не деться...

Ножницы все еще были при мне, потому, повернув его ладонь, я легко проколола один из пальцев ими. Мужчина даже не вздрогнул. Сняв каплю выступившей крови указательным пальцем, я тут же залечила крошечную ранку. Сунула палец в рот, прикрыв глаза и стараясь не думать о том, что это такое. Мне нужна была информация, в ней сокрытая.

Обычно у меня уходит от минуты до пяти, прежде чем я могу понять всю картину, тут же меня не было около десяти. И скорее не потому, что я не могла понять, что с ним, – в это время я принимала решение, как вести себя дальше. Хотя к чему это... я не тот целитель, из которого пациент может вить веревки. Только не тогда, когда я уже взялась за дело.

– Мне абсолютно наплевать, что ты там себе навоображал о своей собственной значимости для империи, – наконец заговорила я, – но раз уж ты ввязал меня в это все, то будешь делать то, что я тебе скажу. И из этой комнаты ты не выйдешь, пока я не скажу, что можно выйти. Это понятно?

Некоторое время в комнате царил молчание, пока наконец Рэйнхард его не нарушил.

– Вы знаете, что со мной...

– Как и ты, – оборвала я его. – Уж не настолько имперские лекари отсталые, чтобы не диагностировать то, что с тобой сделали. И ты обязательно поделишься со мной, кого из своих родственничков считаешь замешанным в этом, хотя я тебе сразу скажу, что мне глубоко наплевать на это. Для начала мы сделаем вот что, – я осторожно дотронулась до его предплечий, позволяя своей силе коснуться его.

Всего лишь на краткий миг комнату заполнила тишина, в которой явственно слышался вздох, полный облегчения.

– Это не лечение, – тут же сказала я. – Твои нервные окончания всего лишь перестали передавать информацию в мозг о том, что тебе больно. Так что не радуйся раньше времени, – строго заявила я.

Рэйнхард криво улыбнулся и посмотрел на меня таким взглядом, будто я только что дала ему дозу наркотика, а не заблокировала часть нервной системы.

– Для меня это уже много.

– Ложись и спи, дальше я буду работать без тебя, – буркнула я, подходя к письменному столу и открывая первый попавшийся ящик, чтобы выудить оттуда чистый лист бумаги, а из кармана своей куртки достала выдавший виды грифель.

Тем временем пациент не спешил отходить ко сну, а внимательно следил за тем, что я делаю.

– Как вы поняли, что я подозреваю кого-то из семьи? – спросил он.

– Я ясновидящий, – буркнула я.

Но поскольку реакции не последовало, то было очевидно, что он умнее своего младшего брата, как и то, что надо было вырубить его сразу, а уж до кровати бы доволокла...

– Хорошо, – кивнула я, обернувшись к нему лицом, – во-первых, с чего бы еще Ариен делить завтрак со старым дедом, который в силу прогрессирующего маразма не помнит не только то, какой вилкой есть салат, но и то, что и кому можно говорить?

– Удобный предлог, – хмыкнул Рэйн, и впервые на его лице появилась настоящая, живая улыбка.

– Безусловно, – серьезно кивнула я. – Во-вторых, ты не родной сын Сифилиции и... не помню, как зовут второго...

– Как я понимаю, первую тоже, – усмехнулся он.

– Это не важно, всех как-нибудь да зовут, я запоминаю только тех, до кого мне есть дело, – отмахнулась я.

– Вы правы, я потерял родителей, когда мне было пять, – строго кивнул Рэйнхард. – Димитрий – мой родной дядя, а Филиция – женщина, на которой он женился, когда я уже встал на крыло. Правда, несмотря на то что я был уже взрослым, она все же пыталась заменить мне мать.

– И, как я понимаю, на тот момент у «мамы-заменителя» не было родных детей, не так ли? Как ни крути, но пока ты жив, ни Димитрий, ни твой двоюродный неубиваемый брат не могут претендовать на главенство в семье. Старший сын – ты.

– Все верно.

– Одного не могу понять: если твои мозги все еще на месте, почему эта ядовитая пятерка родственников все еще заседает с тобой за одним столом, а не украшает своими головами городские ворота?

– Соль, вы же должны понимать значение слова «порядок». Не Ариен создана для меня, а я для нее рожден. Я уже отравлен, противоядия нет, и вы предлагаете, чтобы я вырезал свой род, чтобы мне было не так обидно? Во-вторых, я не уверен до конца, что это произошло именно дома...

– О нет, – улыбнулась я, – ты не просто уверен, ты это знаешь, иначе этого разговора бы не было. Иначе не посадил меня за один стол вместе с собой и не ел только то, что ел бы я, но вот только одного ты не учел: тебя отравили не едой, в этом я уже уверен. Слишком

рискованно делать нечто подобное за общим столом в доме, где работают лишь те, кто принес магическую клятву на верность старшему Ариен. И еще кое-что, – тяжело вздохнула я, – на меня ориентироваться в этом вопросе не стоит, у меня от ядов только понос.

– Информативно, – кивнул он.

– Решил, что тебе следует знать, чтобы потом без претензий. Что, думаешь, не дадут тебе своей смертью умереть? Или... не думаешь ли, что твой брат попросил меня довершить то, что следует? Не боишься? – прищурившись, поинтересовалась я.

– Эрдана я не подозреваю, – качнул он головой.

– Что так? Вечная братская любовь и никакого предательства?

– Нет, – покачал он головой, – он не слишком амбициозен и недостаточно умен для подобного.

– Это ты зря, просто не знаешь, сколько людей умирало по воле дураков, – хмыкнула я, решив, что на сегодня откровенных бесед достаточно. – Я перееду в смежную комнату, – констатировала я.

– Простите? – изогнув бровь, посмотрел он на меня.

– Мой ассистент займет место на этом этаже тоже, можешь его пока не выпускать и охранять, мне без разницы.

Не дождавшись ответа, я вновь посмотрела на Рэйна.

– Нет, а ты что думал? Представил меня как своего личного первородного, а когда твое здоровье пойдет на поправку – кто-то из них решит разделаться и со мной. Оно мне надо? Меня, в отличие от тебя, для Ариен не рожали, и я не собираюсь, не слезая с горшка, завершать то, ради чего меня сюда приволокли. И это, смею заметить, в лучшем случае! Так что я поживу у тебя, мне тут нравится.

– Спасибо.

– Ладно, теперь я пишу то, что мне нужно уже сегодня. Тот розовощекий хлыщ, что привел меня сюда, идет за покупками, ты – спать, я – работать. Начали, – кивнула я и, больше не отвлекаясь на мужчину, принялась записывать то, что мне было необходимо для его лечения.

– Я бы хотел быть в сознании, пока вы будете мной заниматься, – начал было он.

– А я бы хотел отправить тебя в кому, пока я буду тобой заниматься, но я же сдерживаюсь, – дребезжащим голосом поделилась я.

– Вы всегда такой? – казалось, вместо того чтобы проникнуться, Рэйнхард едва сдерживает смех.

– Я не понимаю, о чем ты? – пожалала я плечами.

– Ну да, – все же хохотнул он. – Простите, – ни с того ни сего извинился он. – Сам не пойму почему, но не могу перестать улыбаться. Должно быть, потому, что впервые за последние несколько лет я могу просто говорить с кем-то, не думая о том, как бы не показать...

– ...Свою боль, – закончила я за него. Это было знакомо. – Брось и не дури, я коснулся тебя даром, теперь ты мой подопечный до полного выздоровления, и все, что я буду делать с тобой, – лишь то, что необходимо делать для полного выздоровления. Сколько ты не спал, Рэйнхард? Лучше подумай над этим, потому как я дарю тебе сон лишь на сегодня. Мне нужно, чтобы ты отдохнул. Завтра боль вернется.

– Что ж, – улыбка слетела с его губ, а лицо стало вновь похоже на идеальный оттиск скульптуры из белоснежного мрамора. – Я не забуду этот дар.

И я не знаю, что произошло со мной в этот момент, но я поверила ему! Я – поверила – аланиту! Неожиданно для самой себя я увидела в нем нечто... хорошее?

– Я схожу с ума, – пробормотала я на языке своей родины.

– Что?

– Говорю, что было бы неплохо, если бы ты завтра дал мне аванс, надо одежду купить себе и ассистенту, – поспешно ответила я.

– Если я проснусь завтра, то так и будет, – коротко кивнул он.

– Я хоть и стар, но не такой придурок, чтобы убить главу тайной службы в его же спальне. Расслабься уже и оставь меня...

– Интересно, как у вас хватает смелости командовать главой тайной службы?

– Я говорю то, что мне надо для достижения цели, а не командую, – поправила его я. – Если не согласен, то останавливаемся и я схожу с «корабля», как и договаривались. Во мне нет тех самых душевных сил, которые требуются, чтобы уговаривать и умолять поступать так, как следует для твоего же здоровья. Ты либо делаешь то, что необходимо, либо нет, и на этом мы расходимся.

– Что-то мне подсказывает, что за вашими плечами, Соль, довольно обширный опыт работы на руководящей должности, – сказал Рэйнхард довольно-таки серьезным тоном, если бы не озорные огоньки на самом дне его глаз.

– За моими плечами опыт, верно, разный опыт – и он говорит мне, буквально кричит всякий раз, приказывая не тратить свое время на тех, кому это не так и нужно... – Глубоко вздохнув, я посмотрела на ночное небо и вспомнила еще кое-что, о чем хотела узнать. – Ты еще можешь расправить крылья? – тихо спросила я, не решаясь обернуться к нему. Вопрос был весьма интимным для любого аланита, что уж говорить о таком мужчине, как этот.

– Я чувствую их, – коротко ответил он.

– Ты еще можешь расправить крылья? – вновь задала я вопрос, на который желала получить простой ответ «да» или «нет».

На этот раз пауза оказалась дольше и многозначительнее.

– Я не пытался уже четыре месяца... – в конце концов признался Рэйн.

– Ясно.

– Что вам ясно? – с нажимом поинтересовался он.

– Что я застрял тут, – проворчала я. – А значит, купишь мне хорошую кровать, и чтоб матрац был что надо! Запомни, это очень важно! – покивала я. – Все, иди отсюда, я тоже планирую сегодня поспать. И Щекастому скажи, чтоб достал все, что напишу, – начала я быстро выводить слова на общеимперском наречии.

Рэйнхард больше не пытался заговорить со мной. Он молча наблюдал за тем, что я пишу, после накинул какой-то халат и отправился к двери, где тут же оказался мой недавний провожатый. Они обменялись короткими репликами, которые я, к собственному сожалению, не расслышала, и тут же аланит направился к своей постели.

– Ну и чего, спрашивается, было выпендриваться, – пробормотала я, смотря на то, как, радостно посапывая, спал Ариен уже спустя пять минут.

Мне кажется, он уснул еще раньше, чем голова его коснулась подушки. Что, собственно, было и не удивительно.

Я уже отдала список стражнику, что все это время находился у входа в спальню своего старшего, так что была уверена, что теперь меня никто не побеспокоит следующие

несколько часов. Потому, опустившись на широкую кровать Рэйнхарда Эль Ариен, положила ладонь ему на лоб, делая его сон более глубоким и спокойным, а после забралась на кровать с ногами, встала в полный рост и, оттолкнувшись как следует, прыгнула. Ну ладно, не такая уж я гадина, всего-то раз пять подпрыгнула, но какое удовольствие испытала, словами не передать! Такой способ проверки, действуют ли на него сонные чары, самый забавный, все же лучше, чем колоть его иголкой в пятку. И вовсе я не хулиганка. У некоторых аланитов был иммунитет именно к воздействию на сознание, так что приходилось проверять.

– Сойдет, – пробормотала я, спрыгивая с кровати, представляя, с какими рожами за мной сейчас подглядывают его люди, что наверняка были приставлены следить за мной в эту ночь.

Когда я только вставала на путь целителя, мне казалось, что я избрана не случайно. Мне казалось, что я действительно к этому готова и рождена именно для этого. Знаете почему? Когда ты начинаешь лечить кого-то при помощи дара, это очень похоже на влюбленность. Тот же порыв, трепет и тепло, всепоглощающая нежность и неконтролируемое желание отдать всю себя кому-то. Гладь твоей души вдруг встрепенется, будто бы от порыва весеннего ветерка, и разойдутся круги внутри, затрагивая каждый потаенный уголок твоего сердца. И каждый такой круг принесет с собой чужую боль, чужое горе, заставит сопереживать и прочувствовать все на себе. Лишь мимолетное касание, не больше, но и этого достаточно, чтобы влюбиться на этот самый краткий миг, зацепиться за этого человека и пожелать всем сердцем, чтобы его жизнь изменилась благодаря тебе. Когда первые крупинки силы начинают проникать в чужое тело, твои ощущения напоминают эйфорию. Но вот чем дальше, тем сложнее. Восторг вскоре угасает. Ты видишь, что твои труды не были напрасны и твой дар расцветает в том, кому он был отдан от самого чистого сердца. А потом ты смотришь, как тысячи солдат вновь уходят на войну, чтобы растратить то, что ты подарила им. Смотришь, как, едва избавившись от болезни, человек возвращается на былые порочные круги, и уже будто видишь, как совсем скоро он вновь приползет к твоему порогу в поисках того, что ты уже однажды отдала. Сначала ты все понимаешь. Ты находишь в себе силы на то, чтобы понять, оправдать и принять его, дав этому простое определение: такова жизнь. Но чем больше за твоими плечами прожитых лет, тем крепче становится замкнутый круг, в котором бывают лишь редкие исключения, к коим ты начинаешь относиться уже как к чуду. Которых ты каждый раз ждешь и каждый раз разочаровываешься. В какой-то момент ты уже перестаешь понимать, почему же все-таки это ты? Зачем это тебе нужно, если тем, кому ты это даришь, просто наплевать?! Они скажут «спасибо» и пойдут дальше втаптывать твой дар в грязь. В такие моменты осознаешь всю глупость того, что даровал тебе Двуликий. Чувствовать в себе частичку Бога и не быть способной изменить хоть что-то – разве может быть что-то более бестолковым?! Хотя, должно быть, еще до той самой войны я верила, что в нас есть смысл, что первородные нужны в этом мире больше, чем кто-либо! Верила и на поле битвы, верила и на протяжении тех кровавых десятилетий, когда наш крошечный отряд Двуликого переживал вновь и вновь одно и то же каждый день. Вспоминая о тех годах, я часто думаю, почему я не выгорела тогда так же, как они... Почему эта бесконечная формула «болезнь – любовь – исцеление – смерть» равно «бессмысленный бег по кругу» не свела меня с ума, как их? Что во мне было такого неправильного, что я это пережила? Не знаю. До сих пор не знаю. Но вот что я помню очень хорошо: в тот день, когда последний камень укрыл безымянную могилу в самом сердце Элио, я пообещала себе, что остановлю эту бессмысленную вереницу существования для себя раз и навсегда! Что с меня хватит!

Но за окном темная ночь, на постели лежит мужчина, который, так же как и я, перестал ждать этого самого «чуда». Вот только он, должно быть, гораздо благороднее меня, раз решил исполнить навязанное предназначение до самого конца, и не важно, что придется есть за одним столом с собственными убийцами. Заботиться о них, оберегать их, быть внимательным и благородным по отношению к ним...

Мои руки накрыли его виски, и знакомый сердцу трепет затопил все внутри. Эта радость, словно после долгой разлуки, когда нежно-голубые нити начинают проникать в чужое тело. Любовь, которой так нестерпимо хочется поделиться...

– Стань же и ты моим чудом, Рэйнхард Эль Ариен, позволь верить в тебя, – прошептала я, прежде чем полностью поддаться дару, что уже стремился затопить собой все посторонние мысли.

Время замирает вокруг, когда есть только я, Дзуликий и тот, кому так сильно нужна моя помощь. Мир вокруг растворяется, и все, что имеет значение, – это распахнувшаяся вселенная под названием «живой организм». Я проникаю в нее сердцем, разумом, тем, что ниспослано свыше, и просто делаю все, что могу. И именно это приносит радость и зажигает солнце в душе – и пусть ненадолго, но мой мир обретает смысл.

Должно быть, я просидела у изголовья его кровати несколько часов, прежде чем в дверь осторожно постучали, заставляя меня вынырнуть из нахлынувших ощущений. Я немного замешкалась, потому как ноги сильно затекли, и далеко не сразу смогла твердо встать на них. Тогда в дверь постучали вновь, уже более настойчиво.

– Да иду я, чтоб тебя, зараза, – бурчала я себе под нос, наслаждаясь противными покалываниями в конечностях.

За дверью оказался тот самый стражник, что привел меня сюда. Смотрел он на меня, надо сказать, достаточно враждебно, даже не пытаюсь скрыть собственного пренебрежения и недоверия.

– Вот, – попытался он впихнуть несколько свертков, – принес то, что просили. Хотя с трудом могу себе представить, как эти травки могут помочь в сложившейся ситуации, – не удержался он от скептических интонаций.

– Ты мне тоже не нравишься, – буркнула я, отходя в сторону и приглашая его войти.

– Я не верю вам.

– А я просил? – изогнув бровь, посмотрела на него. – Положи все это на стол и сгоняй за кипяченой водой.

– Я не слуга, – зло прошипел он, косясь на кровать, где лежал его господин. – Что вы с ним сделали? – Его колючие серые глаза требовали незамедлительного ответа, а поза говорила о том, что мне несдобровать, если ответ его не устроит.

– Ты чё сюда приперся, поскандалить? Пошел вон, если толку от тебя, как от надоедливой мухи, – отмахнулась я, не желая не то что объясняться с этим мужчиной, но тратить время, оставшееся до рассвета. Потому молча повернулась к принесенным сверткам, чтобы проверить их содержимое.

– Я задал вопрос, – тут же ухватил он меня за предплечье с такой силой, что, будь я обычным человеком, синяки – это меньшее, чем бы завершился подобный захват.

Я лишь как-то устало вздохнула, борясь с раздражением, что время все же будет потрачено зря, а после резко, гораздо быстрее, чем может обычный человек, схватила его за средний палец, а именно за одну из болевых точек, усиливая неприятные ощущения посылаемыми импульсами, исходящими уже от меня. Хватка в тот же миг ослабла, мужчина

застонал и как-то неуклюже повалился на колени.

– Маленький засранец, – прошипела я, нависая над рослым воином, – тоже мне праздничный пирог! Не слуга он, видите ли! А ну как переломаю тебе руку в пяти местах, а потом неправильно сложу, посмотрим, кем тогда станешь! Если деда говорит, что надо воды принести, значит, надо принести, а не спрашивать о том, чего все одно понять не сможешь!

– Вы аферист, – зло вызверился мужчина, – такой же, как и остальные! Так с чего бы мне вас слушать?! – кривясь от боли, продолжал шипеть он.

– И то верно, какого мне тебе объяснять, если ты все равно не слушаешь, – пожалала я плечами и легонько хлопнула его ладонью по сонной артерии. Мужчина тут же закатил глаза и кулем повалился на пол. В тот же миг в дверях возникло еще двое стражников, настроенных более чем решительно, судя по выражениям, застывшим на их лицах.

– Он спит, – наставительно ткнула пальцем я на их напарника, – тот тоже спит, – в этот раз палец мой указал туда, где лежал Рэйнхард. – Забирайте этого либо же бужу главного и рассказываю, что вы тут вытворяете, тогда как он поручил вам совсем другое. Не бесите дедушку, – припечатала я, выжидающе посмотрев на застывших в проеме воителей.

Стражниками, обменявшимися короткими взглядами, решение не нарушать приказ главного все же было принято, и смутьяна вытащили из комнаты.

– И воды мне принесите, поганцы, – буркнула все же им вслед, прекрасно зная, что они в курсе, о какой именно воде идет речь.

Уже через десять минут у меня были как вода и нужные мне сборы трав, так и столь важное уединение.

– Маленькие засранцы, все как на подбор, кто вас только рождает таких полудурочных? – продолжала я бухтеть, разворачивая свертки с травами и придирчиво разглядывая содержимое. Порой меня так увлекало это бормотание себе под нос, что я получала истинное удовольствие от самого процесса ворчания. Ну что это, если не старость?! – Как кто? Такие же идиоты, – простодушно отвечала я самой себе. – Ромашка, календула, окопник, ага, – раскладывала я то, что принес спящий красавец. – Для начала хватит, остальное лучше покупать самому, ведь им разве доверишь? Куда уж там, за водой сходить и то через «по жопе», – фыркнула я, смешивая содержимое пакетиков и заваривая крутым кипятком.

Сегодня я хотела хотя бы просто обработать раны и попробовать восстановить часть кожного покрова. Настой из простых, но очень полезных трав я усиливала собственным даром. Любой медицинский сбор (мазь, микстура, что угодно), приготовленный первородным для одного конкретного пациента, которого тот согласился лечить, становился лучшим из возможных средств, как если бы наш дар проникал и в травы, усиливая их свойства. Конечно, Рэйнхард не человек, но его организм был сильно ослаблен, и сейчас у него просто не было сил восстановиться быстро самостоятельно, даже после того, как мне удастся полностью очистить его от яда. То, что его кожа была сильно повреждена, лишь усугубляло дело. Ведь, кроме яда, никто не отменял бесчисленное множество инфекций, которым ему приходилось противостоять.

Ему казалось – он просто провалился во тьму, что так милостиво распахнула для него свои объятия. Казалось, что до этого самого момента он и не подозревал, насколько сильно устал. Это незнакомое, непонятное слово для него прежнего – усталость. Были времена, когда он и не знал, что это может означать. Но только не последние полгода. Когда он понял, что с ним происходит что-то не то, а впоследствии и выяснил, что именно, он просто собрал

все свое естество в железный кулак, сжал его со всей силы и просто двигался вперед. Стиснув зубы, не чувствуя, не видя ничего, кроме того, что считал по-настоящему важным. Он даже не помнил, было ли ему больно, когда понял, что споры Серой Моря ему предложили в качестве угощения собственные названные мать или отец. Кто именно? Он не знал, а может, не хотел копать так глубоко. С него было достаточно того, что сделали они это ради главенства в Ариен, а не для того, чтобы продать Ариен врагам. Своей целью он видел, чтобы после его смерти Ариен была сильна как никогда прежде. Это его семья, его долг, его ответственность. Все те люди, что живут под его крылом ради империи и для нее, должны быть защищены после того, как он испустит свой последний вздох.

Император, слишком молодой и самонадеянный аланит, не верил в то, что империя может быть уязвима. Но Рэйн знал свою родину как никто. Знал и понимал, чем дышит страна. Будто обожравшаяся кошка, она стала слишком ленивой и беспечной, предпочитая отлеживаться в тенике рядом с миской молока, чем охотиться на заносчивых крыс. Каждый раз он отправлялся на собрания Глав Десяти как на поле боя. С пеной у рта доказывал, что в стране вовсе не все так хорошо, как кажется. Что необходимо усиливать границы. Что его люди чуть ли не каждый день натываются на вражеские шпионские сети внутри империи, что сами ритары не сидят без дела... И каждый раз чувствовал, что еще немного – и у него не хватит сил на то, чтобы бороться и впредь за собственную страну.

С тех самых пор, как заболел, он вместе с сильнейшими магами своего рода перетаскал в дом лучших целителей империи, которым впоследствии вычищались все ненужные воспоминания о нем. Кто-то давал надежду, прописывая ему снадобья, которые никак на него не действовали. Кто-то прямо говорил, что не знает, что тут можно поделать. А некоторые начинали выдумывать диагнозы и, будто он подопытная крыса, выписывали ему то одни, то другие лекарства. Его люди продолжали надеяться на чудо, тогда как сам Рэйн все понял, осознал и принял. Не было ни истерик, ни гнева, ничего. Он просто понял, что есть то, чего ему не избежать, и начал жить в соответствии с тем, что ему предопределено. Разорвал помолвку, совершенно перестал интересоваться светской жизнью и с головой ушел в работу.

В день, когда Эрдан привел к нему Соль... Что сказать, он и его люди не верили ни единому слову старика. Но поскольку надежды все равно нет, так почему бы не попробовать, а заодно и не использовать старика так, как если бы он и впрямь был первородным. Да, он представил его своей семье, скорее забавы ради, а не в надежде, что старик окажется столь проницательным. И больше ради того, чтобы понять, кто же из домочадцев решил его отправить на тот свет... Как? Все просто: тот, кто попытается прикончить деда, думая, что тот первородный, способный его исцелить, – и есть его палач. И несмотря на то, что он не собирался разжигать войну внутри собственного дома, он должен был узнать, кто именно виновен, пока не слишком поздно – чтобы знать, кому оставляет свой род.

Из бездны небытия, в которой он пребывал и которая казалась ему столь притягательной, его выдернуло препротивное и повторяющееся «хлюп-хляп-чма». Станный звук необыкновенно раздражал и никак не прекращался.

Хлюп-хляп-чма, хлюп-хляп-чма, хлюп-хляп-чма.

– А, горячая зараза, – хриплое старческое ворчание заставило недовольно сощуриться.

Он любил начинать утро в тишине и одиночестве, но никак не под отвратное чавканье.

Недовольно сощурившись, он приоткрыл один глаз, чтобы собрать последние крохи душевного равновесия, когда увидел... его! Дед, забравшись с ногами на его рабочее кресло,

умостил у себя на коленях не тарелку, а скорее таз, заполненный чем-то похожим на червей в навозе, и, склонившись над миской, прямо руками засовывал их в рот. Ну, наверное, в рот, ведь повязку старик так и не снял.

– Жрать хофу, – с набитым ртом пробормотал он, – фил неф фепфеть! Фы как? – поинтересовался старичок, даже не пытаясь осмотреть больного.

– Если я правильно понял, вы спрашиваете, как я себя чувствую?

Старик энергично покивал, но взгляда на Рэйна так и не поднял.

– Ну... я пока все еще не чувствую боли, – поделился он. – И я выспался, как это ни странно, – глубоко вздохнул он, опуская взгляд на свою грудь и руки, чтобы уже в следующий миг шокировано воззриться на Соль.

Там, где еще вчера были сочащиеся сукровицей и гноем язвы, теперь была пусть и не ровная кожа, но покрытые тонкой кожицей болячки – и это поражало. Пусть не все язвы закрылись, но то, как выглядели еще открытые, не шло ни в какое сравнение с тем, что было еще ночью.

– Как такое возможно? – пробормотал Рэйн, прекрасно помня, что ему сказали, когда стало известно, чем именно его отравили. Эти язвы не заживут, что бы он ни делал, процесс гниения плоти необратим.

Старик, казалось, даже не услышал его, а продолжал с упоением поедать то, что и едой-то назвать было нельзя. Рэйн так точно бы такое не стал есть.

Через минут пять старичок сыто откинулся на спинку кресла и блаженно прикрыл глаза, предварительно смачно облизав пальцы... Ну а что еще, если под повязку он по очереди засунул обе руки, почавкал и достал их уже совершенно чистыми.

– Мать моя женщина, – блаженно протянул он, – как же ж хорошо...

После протяжно вздохнул, выдохнул и... захрапел! Захрапел так, что даже повязка на его лице начала вздыматься в такт дыханию.

– Соль, – осторожно позвал Рэйн, но реакции так и не последовало. – Соль, вы меня слышите? – еще одна несмелая попытка провалилась.

Тогда Рэйн осторожно встал на ноги, наслаждаясь уже непривычным ощущением, что он может, не боясь боли, двигаться, и подошел к креслу, на котором, ни о ком не заботясь особо, храпел старик. Он с интересом разглядывал тщедушное тело старца, думая о том, как, должно быть, ему непросто было всю жизнь с таким откровенно хрупким телосложением. Несмотря на свободную куртку и брюки, было видно, насколько он тощий и маленький. Одни ладони, привычно утянутые в перчатки, чего стоили. Мужчина с такими руками не то что меч не удержит – даже лук натянуть не сможет. Поймав себя на мысли, что ему весьма интересно посмотреть на лицо своего спасителя, Рэйн осторожно протянул руку и взялся за край повязки так, чтобы не потревожить сон старика. И когда уже собрался откинуть ее с лица, на его запястье сомкнулась крошечная, но очень сильная ладонь, и в тот же миг он встретился с прищуром необыкновенных аквамариновых глаз.

– Что, интересно? – нахально поинтересовался старик. – Это у вас так принято, что ли? То один рвется штаны с меня спустить, то теперь ты – повязку.

– Я... – неожиданно Рэйн почувствовал себя пристыженным. Странное ощущение, давно не испытываемое им, и достаточно неприятное, как выяснилось. – Да, интересно, – все же решил признаться он, не желая оправдываться.

– Жирно будет, – небрежно отведя его руку от своего лица, пробормотал старик, легко поднимаясь с кресла и стягивая перчатку с руки, чтобы так же небрежно коснуться

предплечья Рэйна. И в тот же миг аланит болезненно скривился. – Хорош, а то шустрый больно стал. Обезболить буду только ночью – и то только пока не закрою все язвы, понял?

– Как вы это сделали?

– Сделал что? – взгромоздив уже пустой таз на рабочий стол Рэйна, спросил старик.

– Мне говорили, что процесс необратим.

– А, это, – отмахнулся целитель, – необратим, конечно, чем его обращать-то при нынешнем уровне медицины? Коровьими лепешками, что ли? Мир растерял знания Эйлирии, – тяжело вздохнул старик, – мир убил последних, кто их хранил, решив, что сильным мира сего хватит магии, а остальным – и подорожника. Но, – посмотрел он на Рэйна так остро, что мужчина невольно оробел, – порой и магия умирает в еще живом теле.

В комнате возникла неловкая пауза, когда целитель заговорил вновь.

– Я спать хочу, – как всегда, его желания были озвучены весьма прямолинейно. – Твой подчиненный хорошо готовит, не ожидал. Правда, скажи ему впредь класть поменьше сонной травы – она горчит, а спать я хочу и без нее. Только продукты переводит.

– Это приготовил кто-то из моих ребят? – безразлично скривившись, поинтересовался Рэйн.

– Ну да, – покивал дед, – я ночью ему с бессонницей подсобил, сегодня он мне таз островной лапши притаранил, – хохотнул дед. – Скажи ему... А... – отмахнулся вдруг, – лучше не надо, пусть думает, что подействовало. Готовит он вкусно и старался от души, видать, так пусть продолжает, я не против.

– Не против, если он будет продолжать вас травить сонной травой? – скептически усмехнулся Рэйн.

Старик безразлично пожал плечами и посмотрел в окно.

– Сейчас позднее утро, я буду спать около трех часов, потом ты дашь мне денег и выделишь людей, чтобы сходили со мной на рынок. Сам никуда не уезжай, будь тут еще хотя бы неделю.

Рэйн слушал целителя и в очередной раз ловил себя на мысли, что человек, стоящий перед ним, – совершенно ненормальный. Хорошо, он никогда не тяготел к насилию над более слабым как к акту самоутверждения. Но будь на его месте любой другой аланит, равный ему по положению, то давно бы приказал запороть старика в воспитательных целях.

– Что-то еще, господин? – иронично поинтересовался Рэйн.

– Пожалуй, это пока все, – серьезно кивнул Соль и тут же направился в смежную комнату, которая все еще продолжала быть спальней для будущей жены Рэйнхарда Эль Ариен. Сам мужчина давно не обращал внимания на это помещение, и существовало оно больше как дань традиции и память о погибших родителях.

– О как, – растерянно замер старик на пороге в комнату. – Это двойственность природы или иногда тебе хочется нежности? – поинтересовался он, замерев напротив кровати матери, которая была до сих пор декорирована множеством оборок, кружев, шелком и атласными бантами. Больше всего это ложе напоминало кремный торт с изящными завитками и узорами.

– Это кровать моей матери, как, собственно, и комната, – встав в проходе, сказал Рэйн, наблюдая за тем, как совершенно посторонний, но столь нужный ему человек подпрыгивает, сидя на кровати, к которой никто не прикасался уже почти шестьдесят лет.

– Сойдет пока, – резюмировал дед. – Я не просто так прошу тебя не покидать эту комнату ближайшие дни, – вдруг неожиданно серьезно проговорил он. – Тебе не просто

подсыпали яд один раз, он продолжает поступать в твой организм уже долгое время. Кто бы это ни делал, но он решил подстраховаться.

– Откуда вам это знать?

– Ну, – тяжело вздохнул целитель, – либо ты сожрал за один присест целую тарелку Серой Моры, либо кто-то тебе регулярно ее подсовывает. Этот яд длительного действия, если использовать его разово. Чтобы оказаться в столь плачевном состоянии за столь короткий срок, нужно постараться, и не заметить отравления тебе при всем желании не удалось бы.

– Да-а-а, – протяжно вздохнула я, остановившись прямо перед невидимой границей центрального рынка столицы империи. – Давненько я тут не бывал, – покивала, – но в принципе, ничего и не изменилось, – поделилась я наблюдениями с двумя молчаливыми стражниками, которых выделили мне в сопровождающие. Дарий и Сай были родом с северных границ империи, судя по их внешности, конечно. Рослые, крепко сложенные, светлокожие и русоволосые и, конечно же, аланиты. Люди в доме Ариен выполняли функцию лишь обслуживающего персонала. Кстати, Сэптим раздобыл-таки мою палку, и теперь я была вооружена и опасна, что, несомненно, радовало. – Ну, идем, что ли? Если хотите, возьмите дедушку за ручку, а то, упаси Двуликий, потеряетесь, что я потом вашему главному скажу?

Мужчины лишь обменялись многозначительными взглядами, но так и не обронули ни слова, а молча последовали за мной, врезаясь в толпу, которая и не думала расступаться. И неудивительно, ведь мужчины оделись как обычные жители империи среднего достатка, оставив свой характерный черный наряд дома. Я же, в своей выдавшей виды одежде, и вовсе вызвала желание скорее наступить на себя, чем пропустить. Но поскольку я была маленькой и тощей, как сушеная таранка, то и в толпе чувствовала себя куда комфортнее. И палка пригодилась: не заметить и не пропустить меня с ней было все-таки невозможно.

Рынок в столице подобен отдельно живущему городу. Тут, при должном терпении, можно найти все! Начиная от сухофруктов с орехами и заканчивая личным рабом и лошадью. Все что хочешь, если у тебя есть деньги и ты знаешь, где искать то, что твоей душеньке угодно. Моей было угодно приодеться и закупить нужные мне в лечении Ариен ингредиенты. Как и любой женщине, процесс приобретения тряпья мне нравился. Моим спутникам, как выяснилось уже спустя два часа, не очень. Два здоровяка выглядели несколько ошалевшими и затравленными, таща за мной свертки, которые я то и дело им подсовывала. И неудивительно: кроме меня лично, у меня на попечении оказался еще и ребенок, из одежды у которого было лишь то, что выделил прижимистый слуга Ариен. Сильно я не торговалась, а брала то, что нравилось. Деньги никогда меня особенно не волновали. Сегодня они есть, завтра – нет. И если деньги не способны приносить пользу и радость, то смысла в них – никакого.

Конечно, с тех пор как я была на этом самом рынке последний раз, миновало уже немалое количество лет, расположение рядов изменилось. И если с одеждой было просто, то вот найти ряды травников оказалось делом непростым.

– Поверить не могу, – недовольно покачала я головой, обнаружив вместо ожидаемого небольшую площадь, заполненную народом, посреди которой находилась высокая сцена. В самом разгаре были невольничьи торги.

– ...Только посмотрите, какие у нее зубы! – кричал невысокий лысоватый мужичок, обращаясь к толпе. – Ее кожа не знала солнца, белоснежная, гладкая, точно ис'шерский

шелк! Любой мужчина вознесется к небесам, едва коснется столь дивного тела! – встав рядом с девушкой, что была облачена в полупрозрачные одежды, и вода вокруг нее руками, впрочем, не решаясь прикоснуться, вещал мужчина. – Волосы точно золото!

– Интересуетесь? – ехидно поинтересовался один из моих провожатых, заметив мой пристальный взгляд, направленный на сцену и клетки для людей и даже нелюдей за ней.

– Да, – сквозь зубы проговорила я.

– Что? Хотите приобрести? Не слишком ли молода для...

Договаривать он не стал, да и я не была столь глупа, чтобы не понять подтекст.

– Так можете у господина попросить попользоваться, – хохотнул тот, кто назвал себя Дарием. – У Ариен много невольников, может, и для вас найдется!

Рабство в империи процветало. Причем в рабы можно было угодить не только в качестве трофея с захваченных земель, но и быть проданным за долги семьи или другие проступки по решению суда. И не важно, кто ты – аланит, человек, оборотень. Свобода в империи была понятием весьма относительным и, увы, легко теряемым. В рабство попадали все, кто не мог себя отстоять, и не важно – женщина, ребенок, старик или воин. Я, как человек, рожденный в землях свободолюбивой Эйлирии, испытывала ярко выраженную неприязнь к любому проявлению издевательств над личностью. Еще больше моя неприязнь усиливалась в такие моменты, как сейчас. Когда я стояла по другую сторону клетки и понимала, что мне нечего противопоставить варварству этих существ. Я опасалась, что Ариен заклеит меня уже сегодня, поставив на мне знак низшей принадлежности к своему роду, тем самым объявив меня своей собственностью. Собственно, сегодня, после моего обеденного сна, он поставил меня, так сказать, перед фактом, что намерен это сделать прежде, чем выпустить меня из дома.

– Давай, – прямо взглянув ему в глаза, сказала я, – я срежу его вместе с кожей. И если ты думаешь, что это у меня в первый раз, то зря.

– Так я могу гарантировать вашу защиту, – резонно заметил он.

Конечно, навредить собственности одного из величайших родов империи – преступление. Но больше эта штука нужна, чтобы раб далеко не убежал. Причем не потому, что его перемещения будут отслеживаться, хотя и это тоже, а потому, что клеймо притягивает своего обладателя к хозяину так, что стоит переступить разрешенный предел расстояния – и ты сам побежишь обратно, как бы сильно тебе ни хотелось иного.

– Ты о своей безопасности волнуйся, понял, – уже не скрывая злости, оскалилась я. – Ты что о себе возомнил, а? Мне ваши рабские клейма уже поперек глотки! Я не твоя собственность и знаешь почему? – чуть тише добавила я. – Все вы лишь пепел и тлен, облеченные в плоть на столь краткий срок, что я не успеваю моргать, как на место одних приходят другие! Так вот подумай, что ты собой представляешь для человека вроде меня, чтобы называться моим хозяином?

– Я не это имел в виду, предлагая вам свое покровительство, – точно так же сквозь зубы процедил Рэйн.

– Тебе прямо сказать, куда ты можешь себе его засунуть? Я, сыночек, уже перерос то время, когда мне нужны были покровители. Есть договор – и будем придерживаться его, если нет – ты знаешь: я настаивать на его продлении не стану.

– То, что я терплю ваше поведение, потому что вы можете мне быть полезны, вовсе не означает, что так будет всегда! – зло сверкнул на меня черными как ночь глазами Рэйнхард.

– Будет, – точно так же усмехнулась я.

– Что?

– То, – сплюнула я. – После близкого знакомства с твоим братцем одно я понял очень хорошо: семейка ваша своего не упустит. Так вот и я не жертвенный ягненок во благо и процветание твоего рода. С этого дня, Рэйнхард Эль Ариен, мы связаны с тобой очень хитрым и забавным способом, как-нибудь расскажу тебе, в свете какой случайности он появился. Но сейчас тебе следует знать лишь одно: если плохо будет мне, то равнозначно будет и тебе. – А после я с силой ущипнула себя за предплечье, аланит болезненно поморщился и посмотрел на меня таким взглядом, будто все проклятья этого мира воплотились для него в моем лице. – Так что береги дедушку, от всех напастей береги, – не стесняясь, злорадствовала я. – И учти, связь эту смогу оборвать только я, понял?

– Что вы сделали со мной? – почти прорычал он, нависая надо мной.

– Обеспечил свое спокойное проживание тут, – припечатала я.

Так закончилась наша первая серьезная ссора. Ну, как закончилась. Он просто перестал со мной разговаривать, испепеляя вместо этого уничижительным взглядом. Я же просто сказала, что если он еще раз подойдет ко мне со своим клеймом, то я сама буду биться об стену головой столько, сколько будет нужно, чтобы выбить у него дурь из головы. А еще посоветовала думать в следующий раз, прежде чем заставлять кого-то себя лечить. Хоть я и не умела управлять при помощи дара огнем или показывать фокусы, но с чужими телами могла творить такое, что ему и не снилось, и пусть радуется, что я отходчивый старикашка.

– Что, частенько за помощью обращаешься в хозяйский гарем? – участливо поинтересовалась я, смерив презрительным взглядом своего провожатого. – Рановато что-то уже неможется тебе самостоятельно за девушкой ухаживать.

Дарий уставился на меня остекленевшим взглядом и уже было рванулся в мою сторону, как его напарник вовремя выставил руку вперед, останавливая друга.

– Еще раз рыпнешься в мою сторону – репу расколю, понял? – подбросив свою палку, которая была по совместительству моей лучшей подружкой и телохранителем, сказала я. – Идем, не могу смотреть на это одичавшее стадо.

Для того чтобы попасть в нужные нам ряды, пришлось пересечь площадь и пройти мимо клетей для тех, чью судьбу уже не изменить. Я смотрела на сытые, отчего-то казавшиеся невероятно омерзительными рожи тех, кто пришел сюда за новыми игрушками. Смотрела на лица людей и нелюдей, находящихся по другую сторону жизни. Кто-то глядел зло. Будто подбитый зверь, который еще не осознал, что он пойман и больше ничего не изменить. Такие не выживали в рабстве, если не ломались и не превращались в кроткое мычащее ничто. Кто-то выглядел откровенно испуганным и голодным. Обычно так смотрели дети, будто загнанные крошечные мышата, в тайне ожидающие чуда. Все еще верящие, что оно возможно. Я ненавидела такие взгляды. Дети не должны так смотреть на мир! Во взгляде женщин чаще всего читалась обреченность. Женщины, как и старики, отчего-то яснее понимали, что бороться нет смысла. Надо принять и выжить, только так. Многие из них попадали в рабство вместе с детьми, а мать... должна выживать. Мать – это частица божества для одного конкретного человека, которая должна быть способна защитить только его одного. Так говорили там, откуда я родом.

Всякий раз когда я видела нечто подобное, душа моя кровоточила от бессильной злости, и, как это ни парадоксально, я казалась себе моложе и куда безрассуднее, раз нечто подобное все еще способно тронуть мое давно дырявое и изношенное сердце.

– Великая Империя варваров, – зло сплюнула я, стоило нам уйти с площади.

– Я одного никак в толк не возьму, – с интересом рассматривая вещи, что я притащила, сообщил Кит.

– Всего лишь «одного»? Да ты просто гений, – вяло пробурчала я, уплетая виноград из огромной чаши, которую совсем недавно принес один из людей Рэйнхарда.

Теперь я и Кит обитали на его личном этаже. В связи с тем, что глава тайной службы разобиделся на меня в пух и прах, уже по приходу с рынка нам с Китом выделили отдельные смежные апартаменты под усиленной охраной.

– Да, – уверенно кивнул он, – не понимаю, зачем я вам все же понадобился? И вещей вы мне столько закупили, и вылечили. Не то чтобы я не рад был, но как-то странно это...

Я слушала его размышления в полуха, куда интереснее было смотреть в окно, сидя на широком подоконнике в его части апартаментов. Под вечер погода испортилась, и совсем недавно начался дождь, грозящий перерасти в настоящий потоп. За окном поднялся сильный ветер, который сейчас уродовал творения садовников Ариен в их семейном парке. И, разумеется, никто из обитателей поместья не рвался в такое время на улицу. Должно быть, именно поэтому было странно увидеть девушку, укутанную в черный плащ с головы до ног, несущуюся по одной из тропинок парка в сторону дома. Хотя лица и не было видно в столь непогожий вечер, но по тому, как именно она бежала, было ясно, что это именно женщина. А за ней, кто бы мог подумать, словно молоденький козлик скакал дяденька Рэйнхарда. Как и любому аланиту, ему были доступны азы магии, поэтому неудивительно, что он и вовсе не испытывал неудобств из-за дождя и ветра.

[Купить полную версию книги](#)